

Я превращу твою жизнь в ад. Герадова ночь

Автор:

Алекс Анжело

Я превращу твою жизнь в ад. Герадова ночь

Алекс Анжело

Волшебная академия (АСТ)Холиральская академия #2

Переместившись в магический мир в тело своего двойника, я желала лишь одного – вернуться домой.

Думала, что лишена колдовства, но у меня открылся редкий дар природника. А тот, кого считала врагом, стал ближе всех.

Мне предстоит выяснить, что же случилось с предыдущей владелицей тела и почему она выпала из башни, и принять участие в Герадовой ночи – самом опасном соревновании года.

Алекс Анжело

Я превращу твою жизнь в ад. Герадова ночь

© А. Анжело, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Магическое отделение

Боль яркими вспышками расцветала повсюду. Как удары молнии в ночи и гром, сотрясающий воздух в непогоду.

Тьма и пустота.

Я вспоминала родителей – не идеальных в мелочах, но любящих и заботливых. Из-за работы мама порой бывала взвинченной, но одновременно сдержанной. Она могла злиться, но не высказываться вслух, пока не остынет. Отец – само спокойствие, ну и доброта. С легкостью подстраивался под других, если дело касалось не слишком важных для него вещей. Маму это качество иногда раздражало.

Но, несмотря ни на что, я чувствовала себя центром их мира... Как же все перевернулось! Устала гадать об их чувствах, утрате и горе. Возможно, для мамы с папой я умерла...

Большинство воспоминаний отзывалось с трудом, будто половина их полопалась подобно мыльной пене. Но в поисках утраченного я нашла нечто другое, что тянулось ко мне, призывало и надеялось, как покинутый ребенок, что я больше его не оставлю.

Я почти плакала, протягивая руки к зеленому огоньку, который замер в нерешительности, перед тем как скользнуть в мои ладони и разлиться родным теплом. Сила – часть меня. Она обижена. Она давно меня ждала.

Горечь и радость – я не могла выбрать, разрываясь от охвативших меня эмоций.

Мне было безумно страшно, до холода, до ледяной дрожи и окружающей тьмы, разрываемой на осколки зеленым сиянием, вырывающимся из каждого миллиметра моей сущности. Скорее всего домой я больше не вернусь...

Сила. Утрата. Радость. Горечь.

– Эмма. – Настойчивый зов остановил поток моих мыслей, как стаю испуганных рыбок. – Красивое имя. – Тихий тембр, слегка насмешливый, выдергивал меня на

поверхность, словно пинками.

Целостность. Привязанность.

Руки стали замерзать, будто я закопалась ими в сугроб. Зубы отбивали чечетку. Чувство реальности понемногу пробивалось на поверхность. Я где угодно узнаю голос некроманта – спокойный, немного усталый и властный.

– Не хочешь ли вернуться ко мне? – Эхо вопросов звучало повсюду, его издавала сама тьма.

«Нет».

– Ты уверена? – вкрадчиво переспросил маг.

«Я хочу побыть одна». – Моя правда слишком горька для сиюминутного возвращения.

Пауза. Тревожная тишина.

– Не время, не место. Извини, Эмма. – И я перестала дышать. Легкие заболели, с каждым мгновением заставляя чувствовать тело все явственнее.

Сначала расщепилась тьма, потом померкло изумрудное сияние, словно фонарик с севшими батарейками, и вернулась тяжесть собственного тела. Отдельные участки кожи будто горели.

Я не хочу возвращаться! Пожалуйста, отпусти меня!

Какая-то часть меня уверяла, что стоит открыть глаза и обратного пути не будет, я потеряю последнюю ниточку. Самообман и ложь – иногда самое желанное лекарство. Воспоминание об аварии было живым, таким безумно ярким, немного хаотичным, впрочем, как и вся моя жизнь, но я словно вернулась домой.

Струи дождя, суeta большого города и голос мамы, что я смогла услышать вновь...

Нет, нет, нет!

И я со свистом втянула воздух, как после долгого плавания на глубине, и открыла глаза, погрязая в красном холодном облаке. Но Лефевр находился рядом, я чувствовала его ладони на своих плечах.

Красная дымка рассеивалась, обнажая детали происходящего.

Первые секунды окрасились потрясением, я плохо осознавала, что вернулась. И меня совсем не волновало, почему я лежу в чертовом зеленом коконе, у которого сбоку проделана дыра с почерневшими краями.

Пахло свежестью, такой же, что источал цветок перема.

Некромант наклонился, его удивительно крепкие руки скользнули ниже, удобно обхватывая мое тело.

– Даниэль... – выдохнула я и увидела, как зрачки его расширились, когда с отчаянием добавила: – Мне так хочется тебя придушить.

Конечно, я говорила не всерьез и, возможно, где-то в глубине души была благодарна ему за то, что он вытянул меня из горьких воспоминаний.

Голова гудела, глаза увлажнились, а руки дрожали от охватившего их странного, необычного напряжения. Я бы могла сойти с ума от отчаяния, если бы не чувство силы, что крепла и обживалась в своих новых владениях.

– Попробуешь как-нибудь в другой раз, – нахмурившись, сухо сказал некромант и взял меня на руки, вытаскивая из кокона в теплую ночь.

Царила разруха, всюду валялся мусор – игральные карты, разбитые бокалы, перевернутые столы и дурманицы, земля темнела от влаги, а в воздухе висел терпкий аромат алкоголя. Я медленно прикоснулась к лицу и с неожиданным безразличием обнаружила на щеке порез – неглубокий, но на пальцах остались капельки крови.

– Камень от дорожки. Сама поранилась, – сказал Даниэль, а я понемногу приходила в себя. Всего несколько минут, чтобы оправиться от воспоминания своей возможной смерти. Но все же не до конца...

– Это я сотворила? – тревожно прошептала, глядя на мощные стебли, что раскрошили тропу и разметали камешки и булыжники повсюду.

– Да, Эмма.

Я вздрогнула, запоздало поняв, что Лефевр уже произносил мое имя. На меня накатила паника, и впервые за все время я дала этой злодейке возобладать над собой.

– Никому. Пожалуйста, не говори никому. – Мои пальцы вцепились в рубашку Даниэля.

Он остановился.

– Тихо, – раздраженно бросил, резко опуская меня на ноги. Колени подогнулись, и я бы упала, если бы некромант не обхватил меня за талию, прижимая к себе. – Я сказал, что поймаю тебя с любой высоты, и сдержу обещание. Пора поверить. Не знаю, что произошло, но не умоляй меня молчать, когда я никогда и не думал кого-то ставить в известность, – быстро, яростно прошептал он.

Я сглотнула, отыскивая в себе силы и досадуя на свою глупость. Разбитая, потерянная, еще не нашедшая себя – вот такой я представала перед самой собой.

За спиной некроманта, у дома, я отчетливо видела кокон, из которого он меня вытащил. Стебли – зеленые, гладкие, с листьями – вырастали из земли, как деревья, подобных которым я прежде не встречала.

– Можешь мне не доверять, но и не рассказывай своему надзирателю. Поняла, Эмма? Как бы ни хотелось выговориться, поделиться... Промолчи. Пора быть сильной девочкой. Все проходит. Не забывается, но боль ослабевает, – мягко, но убедительно продолжил Даниэль. Он знал, о чем говорил.

Откровенность, ясность, открытость – вот что звучало в словах мага смерти, и я кивнула.

Его рука на мгновение крепче сжала мою талию, чтобы в следующую секунду отпустить и позволить мне стоять самой.

– Конкордия.

Я узнала Горидаса и не без помощи некроманта развернулась, разглядывая процессию, недавно прошедшую через ворота.

С десятков одинаково одетых людей ступали рядом с Горидасом – мужчины в зеленых костюмах и женщины в туниках того же цвета с каемками, вышитыми белой нитью. Вслед за ними отдельной группой вошли госпожа Фаден, придерживающая свою мантию, чтобы та не цепляла края вздыбившейся земли и камня, магистр Арнолид и незнакомый мужчина с посеребренной сединой бородой и внимательным карим взглядом. Он обладал настолько выдающимся ростом, что, несмотря на мое состояние, я мысленно окрестила его башней – ему не хватало лишь остроконечной шляпы, чтобы она исполняла роль крыши.

– Аника, проверь состояние госпожи, – прозвучал приказ Горидаса, и молоденькая девушка с копной рыжих непослушных волос шагнула к нам с Даниэлем.

На мгновение я вновь почувствовала страх, но он был лишь отголоском испытанных чувств. Выпрямившись, я отыскивала силы, чтобы запереть панику глубоко внутри. Вскоре дыхание стало ровнее, словно я переняла спокойствие Даниэля. Это точно влияние некроманта, потому что у меня не укладывалось в голове, как я могу быть настолько хладнокровной после пережитого и вернувшихся воспоминаний.

– Можно? – Аника протянула руку ладонью вверх, но смотрела она не на меня, а на Лефевра.

– Конечно, – бросил некромант, отстраняясь.

Горидас пристально наблюдал за мной, но, как и прежде, понять, о чем он думает, не удалось.

– Руку, – попросила девушка.

Она целитель. Такая же, как Ивонна...

Помня, что дар этих магов способен не только лечить, но и калечить, я все же вложила свою ладонь. Мимо нас с целительницей пробежал магистр Арнолид и закружил у кокона, возвышавшегося над землей не менее чем на метр. Люди в зеленых костюмах дернулись, собираясь остановить его, но Горидас, предостерегая, поднял правую ладонь вверх.

Я отвлеклась и не сразу обнаружила сверкающий, будто наполненный мелкими бриллиантами, туман, ползущий вверх по моей руке.

– Расслабьтесь, – попросила девушка.

Расслабиться? Вряд ли у меня получится. Белый туман нервировал. Он скользил выше, напоминая голодное животное, с жадностью накинувшееся на добычу. А еще знак на бедре дал о себе знать непрекращающимся зудом.

Я не смогла улучшить момент и поискать его значение в книгах, но, даже если копаться в записях ежедневно, не исключено, что пройдут недели, прежде чем найду что-то полезное. Уж простите, в собственную удачу я не верила.

Но остается Лефевр... Спросить у него? Каким-то образом он узнал мое имя?

Некромант стремительно открывал мои тайны. Искусно вскрывал их, как вор, мастерски орудуя отмычками. Хотя я сравнила бы его с изобретателем или ученым, строящим самые невероятные гипотезы.

Мне необходима слабость Даниэля, нужна для сохранения равенства. В какой-то степени его предложение поделиться со мной – это шаг навстречу, без которого некромант мог прекрасно обойтись. Я должна с ним поспать... По-другому никак. Буду надеяться, что дневной сон его устроит.

– Идемте, – прошелестел мужчина-башня и, развернувшись, отдал распоряжения госпоже Фаден: – Отправьте запрос в контору Барклей, пусть устранят беспорядок на улице. И подготовьте документы на перевод студентки на магическое отделение.

Я дернулась, и Аника возмущенно зашипела, крепче стискивая мою руку.

– Хорошо, господин ректор, – покорно отозвалась госпожа Фаден.

Башня – это ректор? Отец Дарлы оказался старше, чем я предполагала?!

Магическое отделение? У меня есть дар... Боже, неужели!

Конечно, я даже отдаленно не понимала, как им пользоваться. Это как дать человеку Средневековья компьютер и надеяться, что он самостоятельно научится на нем работать. Но ведь я могу понять, разобраться? И тогда... У меня будет защита? То, благодаря чему я смогу выжить в этом мире даже без Райалинов?

Радоваться рано, но открывшиеся перспективы воодушевляли.

– Подождите, – обратился Горидас к ректору. Сегодня на руках мужчины красовались зеленые перчатки. – Ввиду новых обстоятельств род Райалин ходатайствует об исключении Конкордии Райалин из участников Герадовой ночи.

– Каких обстоятельств? – Брови главы академии приподнялись. – Девушка стоит на ногах, не ранена, не при смерти. Уверен, ваша целительница обнаружит лишь легкое магическое истощение. Не вижу никаких обстоятельств. – Ректор говорил мягко, четко, но высокомерно.

– Теперь она маг. И правило о ненападении перестало действовать, – не растерялся Горидас.

– Пока госпожа Райалин не использует свой дар в игре, она останется участником без способностей. Вас устроит такое послабление? – вкрадчиво поинтересовался ректор.

Горидас задумался, но вскоре был вынужден согласиться. Советник, отвернувшись, что-то тихо проговорил подчиненным, и несколько мужчин в зеленых костюмах отделились от группы, шагнув ко мне и обступив со всех сторон. Горидас же отправился к ректору, и последующий их разговор, не предназначенный для посторонних, проходил тихо.

Аника выпустила мою руку, светлый туман беззвучно рассеялся.

– Что со мной?

Целительница собиралась уйти, ничего мне не сказав.

– Легкое истощение, – с неохотой отозвалась девушка.

Всего лишь истощение, но я чувствовала себя гораздо лучше. Хотя еще минуту назад ощущала себя ожившим мертвецом.

Озираясь, я попыталась отыскать Даниэля. После прихода целительницы маг смерти незаметно исчез, словно призрак. Но я быстро обнаружила его поднимающим опрокинутый стул с земли и отряхивающим бархатное сиденье. Спустя секунду Лефевр сидел рядом со своими друзьями. С их мест открывался прекрасный обзор, будто парни пришли на сеанс в кинотеатре.

Посмотреть было на что... Магистр Арнолид осматривал растения, и я как раз застала момент, когда один из ростков щелкнул его по носу. Но порицающего взгляда удостоилась я, а не стебли, поэтому улыбка сошла с моего лица, толком не успев появиться.

Некромант наклонился, прошептав что-то Клайму и Риджу. Но происходящего дальше я не разглядела, один из магов в зеленом закрыл обзор своим громоздким, как у вышибалы ночного клуба, телом.

Они будто боятся моего побега. Почему? Я под охраной?

– Прекрасной ночи, господа. Могу ли я попрощаться со своей подругой? – Ридж появился внезапно и выглядел непринужденно, будто отправился на прогулку.

Отказ еще не прозвучал, а я уже знала, что магу воздуха не позволят ко мне приблизиться.

Почему Горидас приставил ко мне стражников? Пока я решительно этого не понимала. Но и появление Риджа неспроста, поэтому надо помочь.

– Всего несколько секунд, – сказала, прошмыгивая мимо стражников и обнимая Ловеласа. Это нисколько не напоминало то, как я обнимала некроманта. Просто необходимость, ничего более. Чтобы оттеснить меня от Риджа, мужчинам понадобится время.

– Клайм поработал над вторым каналом, – тихий всепроникающий шепот ветра достиг меня. Ридж отстранился, напоследок отыскивая и сжимая мою ладонь. Я ощутила, как холодный металл коснулся кожи.

– Отойдите. – Очнувшись, один из надзирателей оттеснил мага воздуха, который ничуть не сопротивлялся и с легкой лукавой улыбкой отступил назад.

– Мы всего лишь попрощались, – донеслось оправдание парня.

Пока Ридж отвлекал внимание на себя, я приоткрыла ладонь, чувствуя, как бешено стучит сердце, будто я вор, которого вот-вот поймают с поличным, и внезапно обнаружила свой же санкровен.

Когда они его сняли? Лефевр? Столько вопросов, но я не могла не восхититься предусмотрительностью и изобретательностью этой троицы. Санкровен в доли секунды оказался на моем пальце.

Так мне спокойнее... Я не одна, больше не одна. Надеюсь, я не ошибаюсь.

– Что у вас? – Я впервые слышала от Горидаса настолько приказной тон. Теперь уже Ридж отступал под пристальным и твердым, как закаленная сталь, взором советника. – Идемте.

Горидас за считанные мгновения оказался рядом, положив руку мне на плечо.

Будто груз лег на плечи...

– Через несколько часов придет ваш отец. Надо подготовиться. – Новость словно припечатала меня к земле.

Я не испытала ни страха, ни потрясения, чувствовала лишь нарастающую усталость. Этот день иссушил меня, словно испил до дна, и, похоже, даже и не думал заканчиваться.

Покачивающиеся ветви деревьев разрубили свет фонаря, висевшего над крыльцом, и бросали на землю зловещие тени. Где-то звенел колокольчик, потревоженный дуновением ветра. Погода портилась, набегали тяжелые тучи.

Холирал располагался южнее столицы, и зимы здесь как таковой не было. Летом нещадно палило солнце, а зима напоминала затянувшуюся осень с почти непрекращающимися дождями, что извергались на город и академию ледяными потоками. Снег если и покрывал землю, то быстро таял. Обычно проходило несколько дней, и от белого пледа не оставалось и следа. Промозглая погода, грязь, отсутствие солнца на несколько месяцев превращали учебное заведение в крайне унылое место.

Некромант не обращал внимания ни на танцующие тени, ни на звон. Внутри разливалась пустота, недостаточно сильная, чтобы поглотить его, но болезненная. Дар смерти залатывал пробелы, затягивал раны. Граница оставалась далека, за нее гораздо тяжелее попасть, чем могло показаться. Но все же, несмотря на привычные горькие чувства, этой ночью все оказалось иначе.

«Эмма... Эмма... Она для тебя, некромант. Мой дар», – беззвучно шептала загадка, но сквозь туман он все же услышал голос, и принадлежал он отнюдь не молодой девушке.

Лефевр относился к рассказам о богах как к сказке, призванной успокоить людей. Ведь им надо во что-то верить? Надеяться на высшую силу, охраняющую их и спасающую от бед.

Суеверие, вымысел, обман...

Но так ли это? Теперь Даниэль сомневался.

Эмма – его дар? Возможно. Но благодарности некромант не испытывал. Отнюдь. Древние, боги, создатели... Как их только ни называли. Они могли напомнить о себе иначе, вмешаться когда угодно. Почему именно сейчас?

Замок щелкнул, открываясь. Изделие из магического металла среагировало на прикосновение хозяина. Холл встретил тишиной, но не пустотой. Дэафи словно давно его ожидала – почти сливаясь со стеной, она изучала некроманта взглядом.

– С возвращением. – Женщина вышла на свет. Ее глаза, как льдинки, бездушно мерцали в полутьме.

– Почему вы не спите? – Даниэль скривился, маска отчуждения схлынула с его лица, обнажая всю усталость, накопленную бессонными ночами.

– Мотыльки... Я видела, как они взлетали. Вы хотя бы управляли ими?

– Да, я владел каждым. Их разметал ветер, можно сказать, я почистил улицы от мусора.

Почти десять лет, именно столько Дэафи жила рядом. Поначалу она была молчалива, и ее тень всюду неотступно следовала за мальчиком. Но она не страшила Даниэля, хотя ее предназначение поистине ужасно. Убийца, что лишит его жизни, если он потеряет контроль...

По мере взросления слежка ослабевала. Между некромантом и Дэафи возникло хрупкое доверие. Отчасти женщина привязалась к младшему Лефевру, но маг смерти знал, что эта симпатия не помешает ей вонзить кинжал ему в сердце.

– Что произошло? – Дэафи требовала подробностей.

– В дурманицы подкинули берхалею.

Помутнение сознания, головная боль, в крайних случаях отравление – вот что несло с собою это растение. Никаких полезных свойств, лишь вред.

«Наверняка пучки купили в темных закоулках рынка возможностей, ведь в окрестностях Холирала эта трава не растет», – к такому выводу пришли некромант и маг энергии.

Судя по красноречивому молчанию женщины, она была наслышана о свойствах растения.

Даниэль, массируя шею, направился в сторону спальни. Голова раскалывалась от не отпускавших его мыслей.

«Глава рода Райалин наверняка в восторге. В кои-то веки у них появился природный маг. Только чья эта заслуга? Тела или души? Конкордия прожила в своем теле восемнадцать лет, а у Эммы магия появилась спустя неделю. Скорее всего загадка из тех миров, где магии нет». – Лефевр остановился, по лицу пробежала тревога.

Парень ощутил, как сердце пропустило удар, но он далеко не сразу понял природу этого чувства. Как же давно он не испытывал беспокойства, готового вот-вот преобразиться в липкий страх.

Даниэль повел головой, будто избавляясь от наваждения. Пальцы нащупали цепочку отца, которую он снял с его мертвого тела перед тем, как провалиться в междумирье.

– Дэафи... Что ты знаешь о иномирцах? Как много из них вернулось домой? – спросил Лефевр хрипловатым голосом.

Глава 2

Отказ

В последнюю пару минут я думала о сущей ерунде – меня интересовала длина волос двойника на портрете в гостиной. Мысленно я сравнивала ее с короткой прической, с которой ходила на Земле, и с каждым переглядыванием моя уверенность крепла: надо обрезать волосы.

– Ты изменилась, дочь. – Бесцветные нотки в голосе и пристальный взгляд Картуса заставили вновь посмотреть на мужчину.

Отец Конкордии говорил необычно – с паузами, каждое слово будто имело вес и припечатывало собеседника к земле, расставляя по местам, кто хозяин, а кто раб.

Но внешний вид мужчины не выходил за рамки обычного: короткие волосы, собирающиеся у глаз морщины, правильный нос – мужской, с небольшой горбинкой в середине, – острый подбородок, покрытый легкой щетиной.

На удивление, я совсем не робела. После работы целителей, подлечивших меня по возвращении домой, в сознании царила поразительная ясность, лишь поэтому я не клевала носом, хотя ночь за окном рассеивалась, уступая место облачному утру.

– Я ничего не помню. И вас в том числе. – Я не дерзила, лишь констатировала правду.

Надеюсь, он не рассчитывал, что я кинусь к нему с объятиями? Это эгоистично, но я даже рада прохладным отношениям моего двойника с отцом.

– Да, мне докладывали. – Картус кивнул.

Гостиная пустовала, мужчина попросил всех выйти.

Неужели появление магии вынудило его примчаться в Холирал посреди ночи?

– Как это было? – неожиданно спросил он.

– Что?

– Пробуждение силы.

– Не знаю. Наверное, горько. – Я имела в виду не свои воспоминания, а горечь и обиду, которые испытала, когда зеленый огонек прильнул ко мне. – Магия словно ждала меня.

– Превосходно, – пробормотал мужчина себе под нос.

– Что?

– Природники в нашем роду – редкость. Сарманель был последним, но теперь нет. – Мне не понравился алчный огонек, зажегшийся в его глазах. – Великое разочарование стало наградой. Это как раз то, в чем мы нуждались.

– Я была разочарованием? – прямо переспросила я. – Вы же мой отец, как можно говорить подобное?

Голос звучал предельно спокойно и мирно, чтобы не накликать неприятностей.

Картус отвлекся от рассуждений вслух и сложил ладони лодочкой. Покачивая головой, он задумчиво уставился на меня, будто решая, что со мной делать.

– Да, я твой отец, – ни капли теплоты в голосе, – а ты моя дочь, и, возможно, жертва твоей матери была не напрасна.

– Какая жертва?

Мужчина потер руками виски, черты его лица заострились.

– Слишком много вопросов, девочка. – Он закинул ногу на ногу, принимая деловой вид. – Что там с некромантом? Удача сыграла нам на руку, когда он пришел под ту башню. Ты обратила его внимание на себя.

Его дочь погибла... Боже, как же мерзко!

– Думаю, он меня защищает. От Ивонны и остальных. – Слова дались тяжело. Частичная правда лучше – это был совет Горидаса, который я использовала против него же. Ни о воспоминаниях, ни о том, что Даниэль знал мое настоящее имя, советнику я не рассказала.

Откровенно говоря, я сомневалась в каждом своем поступке. Сердце жаждало некроманта, но разум вносил свою лепту и твердил: «Обожди, не торопись». Конечно, поступки Даниэля говорили о многом. Но прошло сколько? Всего сутки? За эти сутки мое отношение к нему переменялось кардинальным образом. Это вовсе не означало, что я собираюсь замкнуться в себе, вновь рьяно утверждать, что я Конкордия, но приглядеться, чуточку обдумать отношения между нами будет умнее всего.

– Защищает? – Мужчина недоверчиво хмыкнул. – Этот щенок определенно что-то задумал. Все не может быть так легко.

Меня передернуло от сказанного, но Картус не заметил.

– Конкордия. – Мужчина протянул руку к моему лицу, а я отпрянула. Картус не растерялся, ничуть не обидевшись на мое поведение. – Лефевр знает тайну, связанную с Райалинами. Старик не распространяется о том, что стоит на кону, но, судя по безуспешным попыткам подкупить некроманта, это нечто важное. Маги смерти, вечно с этими ублюдками проблемы. – Последняя фраза прозвучала подобно ругательству.

Я давно поняла, что Даниэль прекрасно знал, почему на него открыли охоту. Он говорил об этом Ивонне, когда та пыталась его соблазнить. Теперь та сцена казалась абсурдной, а действия сестры Конкордии – глупыми. Мы знакомы с Лефевром всего неделю, и я уже понимаю, что дешевые трюки с ним бесполезны.

– Что некромант говорил тебе? – Картус тяжело уставился на меня.

– Ничего, – выдавила я и, чуть подумав, добавила: – Мы лишь обсуждали Герадову ночь.

Теперь я была почти послушной. Человек передо мной – не ровесник, с которым я могу язвить и ругаться. Здесь нет права на ошибку.

– Мы уже говорили об этом, но повторю. Ты должна с ним сблизиться. Дай мальчишке все, что он захочет. – Взгляд мужчины скользнул по моей фигуре, будто он смотрел не на дочь, а на ночную бабочку в переулке, предлагающую свои услуги. – Если ты узнаешь необходимую информацию, всего этого фарса со свадьбой не будет. Сарманель не захочет терять второго природника рода.

– Мне надо знать, что именно искать.

– Не беспокойся, когда Лефевр расскажет, ты поймешь, что это оно. На этом все. – Картус деловито поднялся на ноги. – Удачи на играх, доченька. Когда ты справишься с заданием, тебя ждет награда.

– А если не выйдет? – порывисто спросила я, впервые за весь разговор позволив эмоциям вырваться наружу.

Картус жестоко улыбнулся:

– Об этом лучше не думать.

Мужчина, одернув пиджак, направился к выходу из гостиной. Я поднялась. Дрожь, прошедшая по телу, была последствием испытанного напряжения. Мне до боли хотелось воззвать к открывшемуся дару, проверить свою силу. Но я не могла. Мне уже объяснили, что магии необходимо время. В какой-то степени это напоминало батарейку нового телефона, которую надо несколько раз полностью зарядить и разрядить, чтобы он дольше держал заряд. Так же и с магией – я не привыкла использовать ее, она не привыкла ко мне, и точный уровень способностей пока не узнать.

– И еще одно... – Картус остановился. – Сарманель решил, что Горидасу надо наблюдать со стороны, чтобы не спугнуть некроманта. Скорее всего советник переселится в город или снова отправится в столицу. Но мои люди всегда в городе, поэтому помни, я тоже за тобой приглядываю. Осторожность превыше всего.

За дверью раздались шаги – вместе с отцом Конкордии прибыли охранники, которые ждали его в коридоре.

Он уходит?

Я морально приготовилась к тому, что Картус задержится, но, судя по щелчку замка входной двери и повисшей тишине, мужчина действительно ушел.

Рухнув на диван, я попыталась до мелочей запомнить нашу беседу – фразы, интонации, выражения лица. Кажется, моя покорность не убедила его. Или слезка – обычная предосторожность?

Картус приехал напомнить о себе, обозначить цель и пригрозить.

Диван продавился, и я открыла глаза, увидев Горидаса. Мужчина приложил палец к губам, призывая к молчанию, а в следующее мгновение по комнате пронесся вихрь. Но ветер ничего не рушил и не сметал, стихия обследовала каждый уголок, и вскоре в руку советника лег артефакт размером с большую монету.

Магический металл использовали лишь мастера, и он имел характерный, едва приметный голубоватый оттенок, который и выдавал в кругляше артефакт.

Горидас не выглядел удивленным, воздух у его рук будто уплотнился, а после мужчина хлопнул в ладоши, и на пол упал расплющенный кусок металла, уже потерявший магические свойства.

– Он записывал наши голоса, – разрушил тишину советник.

– Нас слышали?

– Нет. Артефакт запоминает звуки. Кто-нибудь из людей Картуса его бы потом забрал.

– Ясно. Жуткий тип. Ты правда уедешь?

– Да, – без промедления ответил Горидас.

Возможно, это к лучшему – пропадет надобность во лжи. Горидас давал дельные советы, помогал, но и сам многое умалчивал, отчасти поэтому я прислушалась к

наставлениям Даниэля.

Мы замолчали, сидя на маленьком диванчике. Наши ноги едва не касались друг друга. Еще пару дней назад место Горидаса занимал Лефевр и мы обсуждали план игры. Уже не ненависть, но и не симпатия – вот что я тогда испытывала к некроманту, хотя отчаянно защищалась гневом, глубоко внутри понимая, к чему мы идем.

– Эмма, – прерывисто выдохнул Горидас.

Сияние светильников мигнуло, и свет в гостиной померк. Мы окунулись в сумерки.

Я видела перед собой привлекательного мужчину. Больше всего цепляли его ясные, синие, как летнее небо, глаза. Собранный, уверенный, менее загадочный и опасный, чем Даниэль, но у Горидаса Ритерда тоже имелись свои плюсы – взрослее, спокойнее, он не напоминал дремлющий вулкан, готовый вот-вот разразиться лавой, и не проверял меня на прочность в первую нашу встречу. Я попыталась отыскать новые преимущества советника, но мозг отказывался играть за другую команду.

«Я вижу, как он на тебя смотрит», – как наяву, услышала слова некроманта, будто упрек.

Да, теперь я тоже вижу...

Синие глаза сосредоточились на моем лице, а я чувствовала, как неминуемо краснеют щеки. Потрясение, неверие, озадаченность. Ну не похожа я на прекрасную деву, разбивающую сердца. То ли совпадение, то ли шутка.

Я совершила ошибку – долгое молчание равносильно согласию. Горидас не стал медлить, порывисто наклонился, и его губы едва не коснулись моих, но натолкнулись на тыльную сторону моей ладони.

– Не надо. – Мой голос звучал твердо и решительно.

Как же неловко!

Мне свойственно сомневаться во многих вещах, но, как выяснилось, только не в симпатии. О любви говорить еще рано...

Лицо Горидаса окаменело. Отстранившись, он поднялся на ноги. В гостиной словно похолодало, атмосфера налилась свинцом, но я ничуть не жалела о своем отказе.

– Я вновь вернусь в столицу. Так будет лучше. Буду следить за ситуацией, – отчеканил советник и, не глядя на меня, продолжил: – Мы не знаем, чем все обернется. Возможно, я предложу тебе поплыть со мной в Риттерин. Времени достаточно, тщательно подумай над ответом.

Гостиная опустела, я осталась одна – растерянная, потрясенная и немножечко злая. Все от меня чего-то требовали, и это выматывало больше всего.

Глава 3

Сон

Санкровен полезен, но у него есть один явный недостаток – сияние. Когда приходит послание, он сверкает. Пока я беседовала с Картусом и Горидасом, подсознательно испытывала страх, хоть и понимала, что некромант догадается ничего не присылать.

Если бы артефакт сверкнул, у Картуса возникли бы вопросы, а советник понял, что кто-то, кроме него, может слать мне весточки.

К счастью, опасения не сбылись.

Спустя несколько напряженных часов я осталась наедине с собой. За окном уже рассвело, а мне необходимо было чуточку поспать. Игра сегодня, уже вечером мы соберемся у академии за ключами. Недосып и усталость не должны мне помешать.

Я присела на кровать, вздохнула и опрокинулась назад, принимая позу ангела на снегу. Ткань аккуратного и скромного платья, надетого на встречу с отцом Конкордии, натянулась. Покрывало подо мной пахло чем-то сладким. Я поморщилась. Хотелось ощутить ароматы свежести и горького шоколада. Так пахли моя магия и некромант.

В одной из подушек рядом лежали цветные шмотки, в которых Конкордия отправлялась в город. Служанка принесла их еще в воскресенье, но из-за Горидаса смогла передать лишь прошлым утром. К моему сожалению, эти наряды мне ничуть не помогли – несколько полупрозрачных костюмов да ажурное белье.

Пахли вещи так же, как и простыни, – сладко. Видимо, Дарина успела их почистить.

После игры наведуясь в Холирал – там я получу ответы. Пришла пора действовать.

Меня одолели воспоминания: о нелепой аварии, которой можно было избежать, о пробуждении магии, о разговоре с Картусом и о несостоявшемся поцелуе с Горидасом. Никто не виноват, это мои поступки привели меня сюда, в этот дом и в этот мир.

Почему я не могу стать эгоисткой? Отказаться от своих принципов, быть бессовестной, лгать не вынужденно, а ради выгоды, быть с кем-то не из-за симпатии, а для спасения? Или сразу с двумя...

Не оттолкнула бы того парня от машины – осталась бы дома. Не стала бы бороться с несправедливым отношением, а вместо этого действовала в тени, отыскивая правду, – Даниэль бы разочаровался во мне и потерял интерес. Поразительно печально и тяжело на сердце от одной мысли об этом, но тогда бы Ивонна не обратилась к Ириде за помощью. Ни команды, ни Герадовой ночи с моим участием. Я могла позволить советнику поцеловать себя, не такое уж это великое дело, зато сохранила бы прекрасные отношения, пусть и обманывала, но оставалась бы в выигрыше.

Нет, это не по мне. Себя не перекроишь, в этом я успела убедиться. В любой ситуации надо оставаться человеком...

Вытянув руку вверх, я разглядывала причудливые линии на коже, что, как маленькие ущелья в каньоне, сталкивались и скользили дальше по тыльной стороне ладони.

Экстрасенсы, хиромантия, созвездия – теперь ничто из этого не казалось мне ерундой. Если я способна выращивать растения по щелчку пальцев, то почему другое не может быть правдой?

Опустив руку, я клубочком свернулась на кровати, проверяя боковым зрением, заперта ли дверь. Убедившись, что щеколда задвинута, прикрыла глаза.

Зевнув, я попыталась составить подробный план действий, но мысли ускользали, а сознание меркло, настойчиво требуя долгожданного отдыха.

Даниэль лежал с закрытыми глазами. Санкровен безмятежно поблескивал на пальце, отражая неясные лучи солнца, скрытого тяжелыми, затянувшими небо от края до края облаками. Идея поработать с артефактом Загадки принадлежала некроманту. Мысль об этом засела у него в голове с момента сбора команд, когда Эмме одно за другим приходили чужие послания.

Артефакт красовался на пальчике Эммы с самого ее возвращения в академию. Никаких друзей, что могли отправлять ей весточки, у нее не было, да и отец покинул Холирал, не дожидаясь полного восстановления дочери, поэтому Даниэль сразу догадался: послания от советника.

Но Ридж передал санкровен Загадке не из-за эгоистичных пожеланий Лефевра, а ради ее собственной безопасности. Если станет жарко, то у нее не останется выбора, кроме как обратиться за помощью к магу смерти.

Только артефакт уже долгое время молчал, и Даниэль расслабился, подавляя мысли об исчезновении Загадки.

«Всего лишь девушка. Но я хватаюсь за нее, как за самую жизнь, будто она и есть моя жизнь. Не наделать бы глупостей».

Вдох-выдох. Раскат грома сотряс небеса. Минуты прекрасного спокойствия перед приближающейся игрой.

Даниэль знал: в любом плане есть трещины. Не существует ничего идеального, но непредвиденные ситуации – его закадычные друзья, приходящие внезапно, но с которыми некромант любовно расходился.

Есть приманка, жертва, притворяющаяся охотницей, и команда, где недоумки смешались с довольно смыслеными парнями, заключившая сделку с мишенью и взявшая на себя отвлекающую роль.

Лефевр догадывался об этом, и предположения подтвердились.

Шею Даниэля стягивало ноющей болью, но она отступила, когда парень внезапно провалился в сон – глубокий и беспокойный.

Молния расчертила небо пополам. Одно целое на мгновение разбилось, чтобы собраться вновь. Боги любят символичность – деталями преобразовать события в чудеса. Когда одно разбилось, другое сошлось. Два дыхания в унисон, двое воедино.

Тени поползли по стенам, взметнулись, дрожа, как огонек свечи. Бледные длинные пальцы вцепились в простыни, худое лицо напряглось, очерчивая скулы, похожие на острые скалы посреди сухой пустыни. Иногда Даниэлю снилась безмолвная граница с пересекавшими ее потоками душ, стремящихся на другую сторону. Туда-обратно. Кто к жизни, а кто к смерти. Но иногда ночь проходила не так спокойно, и в эти моменты мертвецы нашептывали свои тайны, неоконченные дела – некоторые забывались, а другие намертво врезались в память, приходя во снах вновь и вновь.

Даниэль часто вспоминал историю, рассказанную в далеком детстве кем-то из родителей, а может, старшей сестрой. Неподалеку от столицы королевства Морлад росло древнее дерево, что живет тысячами и достигает

невиданных размеров. Сильное, могучее, живой великан размером с дворец. Но теперь сердцевину вырезали и укрепили, сделав тоннель, через который проходил маршрут партлов. Только не люди погубили его, не бесчисленные ветра и стихийные бедствия, а ничтожные насекомые, пробравшиеся сквозь кору и годами подтачивавшие силы исполина, пока не оборвали его долгую жизнь. Судьба дерева невольно напоминала Лефевру его собственную жизнь, пусть не такую долгую, но все же. Силы ведь небесконечны, и когда-нибудь проклятье возьмет свое.

Только ничто не повторяется дважды, судьба изменчива, ее любимое развлечение и страсть – подкидывать нам сюрпризы. Порой неприятные, горькие, печальные, а иногда сокрушительно прекрасные, способные изменить предполагаемый конец.

Когда тени взметнулись выше, а кожа некроманта покрылась капельками пота, в спальне вспыхнул зеленовато-фосфорными красками силуэт.

Эмма не замечала ни теней, ни тумана, все расплывалось, смешивая серо-красные оттенки. Она видела лишь Даниэля, только его тело оставалось четким, притягивало взгляд и вызывало недоумение.

Всего лишь сон... Но почему все блеклое, а он яркий?

Багровые пятна подскакивали, напоминая огни красных бумажных фонариков. Даниэль спал в позе солдата – на спине, а руки, вытянутые по бокам, комкали ткань, закрывающую его пальцы мутными сполохами.

Лефевр предлагал спать вместе, отсюда и сновиденье. Видимо, крепко мне засело в голову это предложение – теперь Даниэль мне снится.

Я подошла и опустилась на колени неподалеку от некроманта. Я не видела, на кровати он лежал или на диване, а когда коснулась материала поверхности, ничего не ощутила.

Грудь Даниэля вздымалась, то быстро, то замедляясь. Сердце билось, будто птица в клетке.

Как сон мог показывать то, что я даже не могла представить? Некромант в моем сознании оставался цельным, сильным, уверенным, тем, кому по силам все! Он король, что расставляет фигуры на шахматной доске, а потом сам все рушит. Сейчас же я видела муку, воздух с хрипом вырывался из его легких.

Импульс, острое желание, и моя ладонь коснулась его скул, кончики пальцев обожгло, словно я слишком долго пребывала в холоде и неожиданно зашла в тепло.

Даниэль вздрогнул, губы приоткрылись, а я, не отнимая ладони, поднялась на ноги. Наклонилась, нежно поцеловала мага в подбородок и скользящими прикосновениями достигла губ, ловя его дыхание.

Я здесь... Я рядом... В своем сне я повелительница.

Красные огоньки гасли, напряжение и боль уносились прочь. Мало заботясь о своих действиях, я легла рядом с некромантом, выводя узоры пальчиками на его груди и чувствуя тепло и биение сердца.

Секунды, минуты, часы – течение времени стало иным.

Когда проснусь, мне будет стыдно. Если вспомню...

Неожиданно рука Даниэля легла поверх моей. Сердце испуганно екнуло, но спустя мгновение я поняла, что глаза некроманта все еще закрыты, и чуть успокоилась. Все, кроме Даниэля, оставалось призрачным и нереальным, из-за этого каждое прикосновение отзывалось острым импульсом тепла по телу.

Вдох, но не мой. Даниэль перевернулся на бок и, словно ребенок любимую игрушку, прижал меня к себе. Оковы показались вполне реальными, а дыхание парня щекотало шею, еще немного, и я начну выбираться из его объятий, как гусеница, ползком.

Надо проснуться! Я зажмурилась, представляя пробуждение, но не вышло. Наплевав на все, попыталась выбраться, разводя локти, и хватка парня даже немного ослабла.

Но когда я посмотрела на некроманта, то потеряла дар речи.

Даниэль глядел на меня – затуманенный ото сна взор, пока безмятежный, но такой пронизывающий, что не оставалось сомнений: он видит.

Положение резко переменилось, и я уже лежала под ним, прижатая всем телом к матрасу или еще чему-то там.

– Как? – Голос Даниэля сорвался на громкий хрип.

– Не знаю, – сдавленно пискнула я. – Само.

Но, как оказалось, Лефевр меня не слышал, и с каждой секундой взгляд его леденел. Он задумчиво склонил голову, пальцы его прочертили линию ключиц, скорее изучая, чем соблазняя, но с моих губ все равно сорвался потрясенный выдох.

Стыд, смущение и пылающие щеки – реакция собственного тела претила моему разуму.

Лицо некроманта сделалось строгим, рассерженным, а через мгновение, когда он наклонился ближе, – опасным.

– Не лезь в мою голову, Эмма, – поразительно ласково прошептал он, и ткань платья поползла вверх, оголяя ноги. Ладонь некроманта коснулась бедра, того, что не испортил собою магический знак, и направилась выше, а я предательски не могла пошевелиться. У меня нагло и беспринципно отобрали контроль над сном. – Возможно, это скверно для тебя кончится.

Мочку уха легонько прикусили и следом поцеловали, будто Даниэль сожалел о недавнем поступке. Горячая ладонь легла на мой плоский живот, словно ставя клеймо, а после вновь направилась вниз. И в этот самый миг магический знак взорвался болью, перед глазами потемнело, способность двигаться вернулась, и

я успела яростно оттолкнуть некроманта от себя, перед тем как он исчез.

Жадно хватая ртом воздух, открыла глаза. Безликая спальня Конкордии вернулась.

Черт! Черт! Черт!

Взвинченная, я подскочила с постели и кинулась в ванную, стискивая зубы из-за обжигающей боли в ноге. Скинув платье, узрела красное пятно, расцветающее на бедре. словно плеснули кипятком. Чернила магического знака из зеленого окрасились в алый.

Вода! Скорее холодной воды! Как же больно!

Дернув рычажок крана, я погрузила ладони в прохладный поток и, зачерпнув ладонями побольше живительной влаги, плеснула ее на ожог. Пришедшая волна острого облегчения не задержалась надолго, и, продолжая плескать воду из раковины, я дотянулась до другого крана.

Маленький каменный бассейн, размером чуть больше обычной ванны и покрытый черной плиткой с прожилками, начал стремительно наполняться. Уже через минуту я без промедлений шагнула в него, и холод воды окончательно заглушил невыносимый жар.

Это точно был сон?!

Глава 4

Соперники

Капельки воды, как снаряды, устремлялись к земле, дождь неуклонно набирал силу. Трое в плащах, прикрытые завесой, следовали по своим делам. Клайм нес чемоданчик, Ридж держал непромокаемый мешок с пожитками: маски, запасная одежда, вещи, которые еще предстояло рассовать по тайникам; у некроманта же в ладони лежал длинный, прочный, но достаточно легкий шест в чехле из

кожи с завязками на одном конце.

– Дрянная погода. Самая скверная за все пять лет. – Ридж ругался на погоду всякий раз, когда его ботинки, увязая в грязи, издавали характерный «чавк».

До сбора у академии оставалось еще несколько часов, но из-за туч на улице словно стемнело.

Уныло. Зябко. Грязно. Еще и ночь обещала быть прохладной.

– И почему Конкордия не мучается с нами? Ты милостиво решил ее не тревожить? – возмутился маг воздуха, когда ногу вновь засосало.

Даниэль остановился, осматривая округу. В этой части студенческого района пустовало несколько домов, уже старых и обветшалых – никто не хотел арендовать запущенное жилье.

Опустившись на корточки и вытащив из почти обвалившегося столба забора, бывшего некогда высоким, кусок камня, маг смерти бесстрастно проговорил:

– В следующий раз возьму Загадку вместо тебя. Уверен, причитаний будет гораздо меньше.

Даниэль протянул руку за одним из свертков, обмотанных непромокаемой тканью, и уложил его внутрь, закрыв тайник.

– Точно? Она все же девушка... – ничуть не обидевшись, задумчиво протянул Ридж, завязывая мешок.

Клайм придвинулся ближе, прислушиваясь к беседе.

– Не думаю, что ее потревожила бы такая мелочь, как непогода, – намеренно небрежно откликнулся маг энергии.

Даниэль отвернулся, пряча улыбку.

- Хотите сказать, Загадка лучше меня? – вкрадчиво переспросил маг воздуха.
- Ну, по мне, так да. – Лефевр насмешливо взглянул на друга. – Гораздо лучше.
- Да-да. Я понял. Вы дуриите меня, – насупился Ридж. – Да что это с погодой? И некромант вздумал шутить, не удивлюсь, если снег пойдет.

Маг смерти промолчал, очищая ладони от грязи. Он совсем не испытывал холода, да и чувствовал себя гораздо лучше, чем в любой из дней за прошедшие несколько месяцев.

«Крепкий сон. Это ее заслуга».

Руки Даниэля коснулись кирпичной кладки дома, расположенного сразу за столбом. Красный туман облаком сорвался с пальцев и впитался внутрь.

– Защищай, – пробормотал Даниэль и, уловив ответную пульсацию магии, отвернулся. – Идемте. У нас не так много времени. Ридж, сходи за Загадкой, захвати ей плащ. Встретимся у академии.

– Почему я? – без возмущения осведомился маг воздуха.

– Ты больше всех жалуешься, – прозвучал логичный ответ. – Мы с Клаймом пока завершим подготовку.

– Ну ладно. Только сделайте все правильно.

Даниэль с Клаймом переглянулись. Маг воздуха покачал головой, недовольно пробормотав:

– Могли хотя бы вид сделать, что я им нужен.

– Ты нам нужен, – подтвердил Лефевр. Даже эта короткая фраза выдавала его приподнятое настроение.

– Ладно. Твоя красавица в надежных руках.

Ридж развернулся и потопал к просвету между домами. Возможно, парень не являлся достаточно одаренным магом, но у него прекрасно получалось заводить знакомства и привлекать к себе внимание, уводя его от Клайма и Даниэля. Везде, кроме академии, это срабатывало, ведь нельзя оставаться в тени там, где на протяжении пяти лет за тобой наблюдают одни и те же люди.

На Западной улице нередко попадались одинаковые дома, стоящие напротив и перемигивающиеся друг с другом пустыми окнами, лишь иногда занавешенными шторами. На покатых крышах висели длинные громоотводы, изящные, с множеством мелких деталей и верхушками-шпилями, способными, казалось, проткнуть облака, если бы те спустились чуть ниже.

Очередная молния расчертила серое небо, а парень, наблюдавший за непогодой, отошел от окна.

– Дождь обложной. Не думаю, что прекратится. – Оберон повернулся к остальным.

На полу, прямо в центре цветастого ковра, была развернута карта с планом академии и студенческого городка. По краям лежало всякое барахло: статуэтка в форме взлетающей со скалы птицы – каждое перышко в ее крыльях было искусно выточено из камня, кружка, еще испускающая пар от горячего чая, книга с выпадающими потрепанными и пожелтевшими от солнца страницами (она долго пролежала на подоконнике, и яркие летние лучи не пожалели некогда белую бумагу) и маска в форме животного с выступающими клыками и алыми зрачками. Иногда по морде проходила рябь, свойственная магическим артефактам, и тогда тварь утробно рычала, а пасть скалилась, обнажая ряд заостренных зубов и красную глотку.

Рафал вздрагивал каждый раз, когда монстр оживал, и с настороженностью косился на него. Сам парень приобрел себе неплохую маску верховного мага, правой руки короля. Ему, как и правителю, полагалась корона, менее помпезная, но все же корона, делавшая его второй персоной после монарха. Артефакт покрывал лицо мутной рябью, прячущей черты, а на голове появлялся тонкий,

отливающий синевой обруч, сразу выдающий честолобие участника Герадовой ночи.

– Почему бы не перенести игру на завтра или послезавтра? Ночью улицы окончательно превратятся в болото. – Рафал поднялся, отступая от карты.

– Герадову ночь не переносят. С момента ее появления этого не случилось, а значит, и сегодня не отменят. – Родриг укладывал по мешочкам взрывчатые порошки – некоторые из них ослепляли, другие источали едкий дым.

– Ни разу за сотню лет? – Рафал поник, осматривая свои пока еще чистые непромокаемые штаны и кожаную куртку.

– Никогда за сто пятьдесят шесть лет, – вмешался Оберон, поднимая с пола маску, вновь издавшую утробный звук.

Рафала передернуло.

Уголок карты, лишившись утяжелителя, попытался завернуться, но Хизерд, четвертый участник команды, опустил на него тарелку с цветными кусочками сахара, выложенными полукругом. Закинув в рот лакомство, парень захрустел, чувствуя стремительно тающую на языке сладость. Как магу огня, ему постоянно требовались силы, и он находил их в еде, чаще всего налегая на пирожные и конфеты, но при этом оставаясь худым как жердь.

У каждого дара свои особенности. Магов воды после чрезмерного использования силы охватывает дичайший холод – сколько ни кутайся в одеяло, он не прекращается, потому что исходит изнутри. Колдовство целителей не выносит расстояния, метр или два – вот его предел, иначе оно просто не достигает цели. С магами энергии после создания мощного артефакта творится нечто странное – они будто пьянеют, каждый по-своему. Маги земли не могут спать на высоте, спальни даже на втором этаже для них неприемлемы, а воздушники, потратив силы, сгибаются под тяжестью небес.

– Держи. – Родриг, которому порядком надоел скулеж парня, перекинул Рафалу мешочки с порошками. – Они для тебя. Используй аккуратно.

– Мы начнем с кладбища? – осведомился Хизерд, проводя пальцем по красной линии, обозначающей ограду Мертвяка – так незатейливо звалось место захоронений на территории Холиральской академии.

– Нет. Пока на Мертвяке Лефевр, мы туда не сунемся, – покачал головой Родриг.

– Вчера ты говорил иначе, – заметил Рафал, осторожно рассовывая мешочки по карманам.

– Я мог сказать Лефевру что угодно. Реальность же такова, что на кладбище с ним лучше не сталкиваться. У меня нет никакого желания покидать игру, толком ее не начав. – Чернявый переплел пальцы и, пощелкав суставами, потянулся, будто минуту назад встал с постели.

– Но ты ведь тоже некромант. – Рафал не видел разницы.

– И что? – Родриг остановился. – Уровень разный. Оно и к лучшему, моя жизнь все еще мне дорога. Если хочешь победить, не надо прыгать выше головы.

– Скольких он может поднять? – Оберон крутил в руках свою маску, облокотившись о стену.

– Десять – пятнадцать скелетов – все равно что маленький отряд. Но Даниэль никогда не выбирает обычных мертвецов. – Родриг выразительно посмотрел на Хизерда. – Огнем их не испепелишь.

– Тогда как? – продолжил расспрашивать Оберон, как и большинство Райалинов, обладавший даром целителя.

– Первый вариант – вырубить Лефевра, но этот умник полагается не только на магию, он возьмет с собой шест, чтобы держать противника на расстоянии, второй – переломать мертвецам кости ног, чтобы они не могли передвигаться. Не стоит забывать про воздушника и того отморозка, Клайма. Последний – талантливый мастер по магическому металлу, его обучали с детства.

– Почему ты назвал его отморозком? – заинтересовался Хизерд.

– Встретиться с ним после магического истощения – поймешь, – коротко бросил Родриг. – Самая большая ошибка – недооценить соперника.

– В прошлом году мертвецы утащили большинство целителей и участников без магии, закопав их в землю по самую шею, – безрадостно поведал Райалин. – Они прорыли тоннели под землей.

– Тебя тоже? – напряженно спросил Рафал.

Оберон кивнул, проводя пальцем по шее, почти касаясь подбородка.

– Я даже не сразу понял, что-то схватило меня за лодыжку, а потом я провалился в узкую яму. – Безразличие, звучавшее в голосе парня, обмануло всех, кроме некроманта, но Родриг промолчал, решив, что и так достаточно запугал команду и они отнесутся к соперникам всерьез.

– Мы перетянем их внимание на себя, Ирида получит шанс расквитаться с Конкон. Извини, Оберон, твоей сестренке придется несладко.

– Ничего, – тихо отозвался целитель, у которого были на этот счет свои мысли.

– После Ирида отдаст нам карту с местонахождением ларца.

– Не обманет?

– Не рискнет.

Улыбка Родрига сделалась острой, как бритва.

Глава 5

Болтовня

Горидас уезжал до начала игры. В окне спальни я видела приехавший за ним партландер – маленькую коробку для перемещения внутри города. Движением управлял человек, но в отличие от партлов партландер перемещался при помощи гусениц, расположенных в несколько рядов, позволяющих проезжать где угодно и не требующих особого дорожного покрытия.

Партлы и партландеры – как старшие и младшие братья: одни стремительные и самостоятельные, а другие медлительные, но вездеходные.

Я не хотела провожать советника, но, преодолев себя, спустилась вниз. Мужчина как раз натягивал зеленые перчатки, на полу у вешалки с кривыми извивающимися крючками стоял его чемодан – компактный, с блестящими защелками.

Заметив меня, Горидас на секунду замер, а после как ни в чем не бывало молча снял с вешалки плащ. Дождь нещадно колотил по стеклам.

– Миссис Ладин не вернется, ты остаешься одна. Если возникнут проблемы, свяжись со мной, в Холирале достаточно наших людей, способных справиться с неприятностями, – отстраненно проговорил мужчина, просовывая руки в рукава плаща. – Раз в месяц приходит банковский служащий, передает деньги на личные расходы. Перед этим они обязательно отправляют письмо-уведомление.

Боковым зрением я увидела, как Дарина из коридора, ведущего в гостиную, прошмыгнула в сторону кухни. В ее обязанности входило встречать и провожать гостей, но, видимо, она не хотела нам мешать.

Неловкое прощание – что может быть хуже? Когда мнешься на месте, не знаешь, что сказать или сделать. Может, обнять? Ведь неизвестно, когда мы увидимся вновь. Но хочу ли я этой встречи?

Я не могла смотреть Горидасу в глаза: мучила совесть, накрывало чувство, что я жутко неблагодарная. Мужчина помог мне, а я хотела, чтобы он скорее уехал...

Боже, мне тошно от самой себя.

– Да, спасибо, – понуро вымолвила я.

Вскинув голову, Горидас прищурился.

– Это все? – Вопрос словно пригвоздил меня к полу, озадачив и отогнав гложащее чувство вины.

– Я могу пожелать удачной дороги, но, кажется, это не то, что ты хочешь услышать. – Фраза звучала дерзко, но я не выносила давления. По крайней мере, не от Горидаса.

Приказы Картуса – ерунда, я все равно не собиралась их исполнять, и отец Конкордии не знал, кто на самом деле перед ним, никто не знал, кроме советника и некроманта. Но теперь первый, кому я доверилась, пытался подавить меня из-за одного отказа. Невольно задумаешься: а не случится ли так же с магом смерти?

– Пожелай. Возможно, для начала мне будет этого достаточно, – неожиданно сдержанно откликнулся мужчина.

Я громко сглотнула, чувствуя, как слова застревают в горле.

Внезапно в дверь забарабанили – громко, с задором, будто отбивали мелодию. Некто стоящий по ту сторону не оставлял и шанса, чтобы его проигнорировали.

Еще мгновение Горидас смотрел на меня, ожидая ответа, но стук не давал сосредоточиться, и я продолжала молчать. Лицо советника исказилось яростью, и он с несвойственными ему раздражением и порывистостью распахнул дверь. Каким-то чудом Ридж отскочил и избежал встречи с дверью.

– Фух, еще б чуть-чуть. – Ловелас выдохнул, не переставая улыбаться, его взгляд скользнул к Горидасу и чемодану, стоящему на полу. – Добрый вечер. Вы уходите? Скоро игра, я принес Конкордии плащ. – Ридж потряс свертком.

Дождь стекал по капюшону и рукам, капая на ботинки Ловеласа, измазанные грязью.

В общем-то плащ у меня имелся, я даже подыскала одежду, которую надену на игру. Боль от ожога вынудила выбрать штаны-шаровары, не совсем удобные, но

зато не натирающие кожу, она и без того горела не переставая. Знак давно успокоился, но покраснение осталось. Я, лишенная возможности кому-нибудь показать его и попросить помощи, уже смирилась, что придется терпеть всю ночь и ближайшие несколько дней.

Все из-за гребаного знака! Как же он мне надоел!

– Да, мне пора. – Горидас обернулся ко мне. – Думаю, мы скоро увидимся. Удачи в игре.

– Спасибо. Хорошо добратся, – откликнулась, решив, что хватит стоять истуканом.

Горидас вышел не оборачиваясь, темным прямым силуэтом войдя в дождевую завесу, и направился к партландеру. Ридж же, напротив, не дожидаясь приглашения, ввалился в дом и с грохотом захлопнул дверь, как раз в тот момент, когда водитель транспорта выскочил из кабины, приветствуя клиента.

– Кажется, я вовремя. Что? – отозвался Ловелас, поймав мой взгляд. – Думаешь, я верю, что он все время открывает дверь так? О чем болтали?

Я фыркнула. На мага воздуха невозможно злиться, обижаться или упрекать в наглости, он просто такой, какой есть, – энергичный, легкий, бесцеремонный.

– Это не твое дело, Ридж, – ответила я с натянутой улыбкой. – Мне надо переодеться. Подождешь?

– А у меня есть выбор, красавица? – расстегивая плащ и стягивая ботинки без помощи рук, осведомился парень.

– С каких пор я красавица? – Озадаченность и недоверие отразились на моем лице, а губы сложились во вполне искреннюю полуулыбку.

Потеряв равновесие, Ридж едва не упал, но ботинок все же снять успел.

– Дважды за последний час. Но вообще, разве не каждая девушка красавица? – распрямившись, со всей серьезностью спросил он. – Мне кажется, вы все в душе

считаете себя особенными и, как это говорится, не такими, как остальные. Но, что удивительно, наравне с этим вы безостановочно ищете в себе недостатки: волосы жидкие, глаза не того цвета, руки короткие, ноги кривые, ступня большая. Одна девица меня как-то уверяла, что у нее пупок выше, чем должен быть. Ну не бред ли?! Столько сил тратить на мелочи, да мужики этого не замечают, нам плевать! Конечно, у каждого есть свои предпочтения, но мы уж точно не обращаем внимания на пупок и длину рук, если визуально фиг поймешь, есть ли вообще это отличие.

Дослушав речь, я поджала губы, чтобы не рассмеяться. Конечно, доля правды в словах парня имелась, и даже больше. Но пупок?! Серьезно?! Кто эта девушка? Хочу знать, кого обходить стороной.

– Ты прям мыслитель, Ридж. Честно, не ожидала. Поразил. Я теперь даже не знаю, что тебе сказать, чтобы не показаться глупой, – сказала, беспомощно разводя руками.

– Ха-ха, – передразнивая, скривился парень, уже успевший разуться. – Не иронизируй, я серьезно.

– Да и я тоже. Впервые встречаю парня, так чутко понимающего женскую натуру. Или просто со мной никто раньше не делился? А вообще ты похож на мою бабушку, ей всегда не хватает общения, и поэтому, когда я приезжаю, она болтает без умолку, – беззаботно продолжила я, неспешно поднимаясь по лестнице.

– Загадка, ты помнишь свою бабушку?

Я обернулась, Ридж стоял на пару ступенек ниже, крепко держась за перила, будто перегораживая путь.

Сердце подпрыгнуло и застряло в горле. Проговорилась. Чуть расслабилась и сболтнула лишнее. Конечно, я уже прокалывалась, и не раз, но настолько по-идиотски – впервые.

– Наверное. Или ее уже нет? Я не знаю, почему так сказала. Само вырвалось, – с сомнением и изумлением проговорила я, потерянно замолчав и коснувшись головы, как бы намекая на ее неисправность.

Ридж испытующе смотрел на меня, а я на него, отыскивая искорки знания, ведь Лефевр мог ему обо всем рассказать.

– Возможно, память возвращается? – простодушно заявил парень, улыбнувшись. И, потеряв ладони друг о друга, проговорил: – Мне срочно надо выпить чего-нибудь горяченького.

– Сходи на кухню и спроси у Дарины. Дальше по коридору, мимо лестницы, – показала я направление, но, когда Ловелас развернулся, окликнула его, чтобы спросить: – Вчера с дурманицами ведь было что-то не так? Неизвестно, кто это сделал?

Ридж задумчиво поджал губы:

– Нет. Но видели кого-то в костюме ключника, он вертелся около чаш.

– Это те, что бегали по несколько человек? – вспомнила людей в масках.

– Да, – кивнул Ридж. – Не беспокойся, красавица, игра пройдет, и мы отыщем того, кто это сделал. Мы злопамятные. За подобное надо наказывать.

Он умеет убеждать. Взгляд колючий. Хоть убейте, воздушник умней, чем хочет казаться.

– Ладно. Я быстро, – сказала, раздумывая, а хорошая ли это идея – оставлять Риджа одного? Только ничего ценного в доме нет, самые важные вещи лежат в тайнике наверху.

Маг воздуха тихо засвистел, спустившись с лестницы.

– Ридж, – позвала, наклонившись через перила, волосы свесились вниз, закрывая лицо. – Не забывай, что ты в гостях. И не напугай мою служанку, – предостерегла я и, подцепив прядь, заправила ее за ухо. Ридж остановился, задрал голову.

– Я понял, Загадка. Не беспокойся. И ты всегда такая? – Он ухмыльнулся, неопределенно помахав ладонями.

– Какая такая?

– Грубая. И почти неженственная. Я тебя несколько раз красавицей назвал, а ты ни разу не покраснела.

Ловелас – прозвище точно для него.

– Ридж, я тебе помидор, что ли, чтобы краснеть? – Какое-то чудное совпадение, но этот овощ отыскался даже в другом мире. – И раз уж на то пошло, признаюсь, с тобой я чувствую себя намного свободнее, чем с другими. Поэтому и болтаю, не подумав.

– Свободнее, чем с Даниэлем? – Губы воздушника растянулись в самодовольную улыбку, он засунул руки в карманы брюк и медленно всем телом покачался из стороны в сторону.

Все равно что сравнивать небо и землю. Земля – спокойствие, добродушие, понимание, а небо – безрассудство, одурение от чистого разряженного воздуха, тревога от потери контроля над ситуацией и бессвязности мыслей. Такова разница в моем отношении к некроманту и Риджу. Совсем различные чувства.

– Да, свободнее, – тем не менее ответила я, совсем не уверенная, что мои слова придутся Лефевру по душе.

Но это правда... С магом смерти я постоянно волнуюсь.

– Лучше договаривай, Загадка. Иначе тебя могут неправильно понять. Свободнее, потому что... – Ридж задумчиво закатил глаза и пролепетал слащавым голосом, манерно кривляясь, как актриса из мексиканского сериала, одну руку уперев в бок, а другой вырисовывая дуги в воздухе: – Я от него без ума. Мое сердечко трепещет от одного взгляда. Все теряет смысл. Ноги ломит, голова болит.

– Фу, Ридж. Переигрываешь. И все совсем не так, – укорила его, но от тихого смешка не удержалась.

– Ладно. Раз не так, то не так. – Ловелас ухмыльнулся, сверкнув всеми тридцатью двумя зубами.

– Я пошла, иначе опоздаем. Да и шея у меня уже затекла, – пожаловалась ему, чувствуя, что голова потяжелела от прилившей к ней крови.

– Да, у меня тоже, – согласился со мной Ридж, до сих пор стоявший с запрокинутым кверху лицом.

– Скоро спущусь. И помни...

– Не напугай служанку? – перебил маг воздуха.

– Нет. Слава Тирэну, Дарина не глухая. Твою болтовню не услышал бы лишь мертвый. Хотя в этом доме вообще не стоит много разговаривать. – Я с опаской оглянулась, вспоминая подслушивающий артефакт, найденный Горидасом в гостиной. – Не забывай, что ты в гостях.

Я в упор посмотрела на парня, и он кивнул, читая истину между строк.

Глава 6

Секретное оружие

Дождь приутих, как притихает свора собак, лающих друг на друга, но ни у кого не оставалось сомнений – это временно. Темные тучи наваливались на горизонт, будто пытаясь его поглотить. Солнце опустилось так низко, что мутному свету, рассеиваемому облаками, едва хватало сил не подпускать близко наступающую ночь.

Уже на подступах к академии студентов становилось больше, такое же явление наблюдается по утрам, когда все спешат на занятия, с единственной лишь разницей, что все учащиеся исчезают в замке, а не толпятся возле него в плащах, будто принадлежащих членам ордена иллюминатов – с широкими и глубокими капюшонами, надвинутыми на лицо.

Многолюдно. Шумно.

Возбуждение витало всюду. Я замечала его в лицах. В них одни эмоции стремительно сменялись другими – от заразительного смеха до нервного напряжения, в вихре которого участники заблаговременно разглядывали и оценивали других, будто вот-вот собирались вступить в бой. Одни не могли устоять на месте, как мышки в клетке передвигаясь между группками, другие, не стесняясь, носили с собой оружие, по большей части выполненное из дерева, – ничего по-настоящему опасного, но это все равно не внушало спокойствия. Поддавшись порыву, я поправила белую повязку на плече, подтянула узел и через мгновение поняла, что переборщила – получился почти жгут.

Надо перевязывать. Долго я так не протяну.

– Деньги – поистине великая вещь, – пробормотала себе под нос.

– Еще какая! – вторил Ридж, в отличие от меня головой он не вертел и выглядел донельзя собранным.

Контраст на контрасте. Надо брать с него пример.

– Ридж, зачем тебе выигрыш? Как я догадываюсь, уроки у ректора ты брать не намерен. Но твоя семья и без того богата, – спросила я, не обдумав вопрос заранее. Однажды моя порывистость сыграет против меня.

– Они вмиг лишат меня средств, если я сделаю не так, как надо, – туманно изрек Ридж, повернувшись.

Я поймала остатки горькой полуулыбки.

– Так, как надо? – ухватилась за прозвучавшие с другой интонацией слова.

Я лезу в личное. Загадка лезет в чужие секреты. Черт! Кажется, мне начинает нравиться это прозвище, будто во мне действительно есть что-то куда более таинственное, чем испуганная девочка, затерянная в опасном мире.

Хотя больше не испуганная... Нет, чуть-чуть страха осталось, только дураки ничего не боятся, но появилась стойкая уверенность в себе. Пусть подобие ее и присутствовало раньше, но оно часто разлеталось на кусочки, и я проваливалась в зыбучие пески нескончаемого беспокойства.

Ловелас окинул меня испытующим взглядом:

– У всех есть то, чего они хотят и о чем мечтают. Я не исключение, но мое желание требует сил, смелости и решительности. Последних двух мне не хватает. Возможно, я бы сдался, но чем больше думаю об этом, тем сильнее понимаю: сдамся – и постепенно жизнь утратит краски. Надо с самого начала делать все верно и правильно, а не мириться с действительностью, будто выхода нет.

– Выход есть всегда. Если кажется, что его нет, то мы просто не хотим искать.

– Верно. – Посмотрев на меня, Ридж тепло улыбнулся и неожиданно дал обещание: – Если выиграем – расскажу.

Глубина чувств и личности скрывалась за цветным фасадом. Я оглядела собравшихся – несколько сотен студентов – и неожиданно испытала искреннюю благодарность за то, что судьба свела меня именно с ними – Риджем, Клаймом, Дарлой и Даниэлем.

Я кивнула, ставя галочку в воображаемом списке дел, чтобы не забыть напомнить.

Показавшаяся верхушка шатра быстро вернула меня к реальности. Ткань мерцала, сполохами меняя оттенки от глубокого синего до ярко-пурпурного, золотые кисточки по краям трепыхались под внезапными порывами ветра. Но я не видела опор, словно огромный зонтик завис в нескольких метрах над землей.

Лишь приблизившись и едва не наступив на огромный металлический блин, лежащий у ног, поняла, в чем было дело.

Магия артефактов, пора уже перестать удивляться.

Здрав голову, заметила точно такой же блин, на котором держалась одна из сторон шатра. Пространство между металлом искажалось, заставляя зрительно вытянуться одну из башен замка.

– Не трогай. – Я без труда узнала голос по звучащим в нем холодным интонациям.

– И не собиралась, – резко откликнулась я.

– Ну конечно. – Насмешливые нотки прошли по моим нервам, как смычок по струнам.

Развернувшись, я с прищуром взглянула на Даниэля. В отличие от многих он не скрывал лицо в тени капюшона. Чувства из сна все еще ярко звенели в голове, сердце и теле. Меня накрывало неконтролируемое раздражение за наглое поведение некроманта, хотя сознание и пыталось донести, что скорее всего это было очень яркое сновидение.

Но ведь это надо еще проверить... Да и ожог приносил неудобства, каждый шаг – словно хлесткий шлепок, превращающий кожу на ноге в красный островок жгучей боли.

– Ты меня дразнишь...

Меня прервал громкий вскрик. Я оглянулась в поисках источника.

– Именно от этого я хотел тебя предостеречь.

Одновременно с тем, как Даниэль договорил, я увидела парня, болтающегося в воздухе, словно золотая рыбка на крючке. Его ладонь, вздернутая вверх, прилепилась к краю металлического блина, подняв за собой все тело.

Неудача парня вызвала бурное веселье, но и желающие помочь тоже отыскились.

– Хорошо. Но я правда не собиралась трогать эту штуку, – стояла на своем я.

Поверил он мне или нет? Хотя не имеет значения. Я увидела Риджа и Клайма под шатром, их лица маячили за спиной Лефевра.

– Ладно. Идем. – Некромант собрался присоединиться к остальным.

– Даниэль, – позвала я, уперев взгляд в крыльцо академии, где собрались магистры и ректор.

– Да?

– Как ты спишь ночами?

Другие команды уже разбились по группкам, огибающим крыльцо академии.

– Почему спрашиваешь? – осведомился некромант.

– Беспокоюсь, – призналась я, хотя в голове вертелись другие фразы. Но не в это время и не в этом месте...

– Я в состоянии позаботиться о себе. Лучше подумай о своих проблемах, – предостерег он перед тем, как забрать что-то длинное в коричневом чехле у Клайма.

Эгоист. Предлагаешь позаботиться обо мне, но даже не допускаешь возможности принять ответную помощь. Не на ту попал.

– Привет, парни, – вклинилась между Риджем и Лефевром девушка, и я с опозданием узнала в ней секретаршу госпожи Фаден. Слегка курносая, накрашенная чуть ярче, чем когда я видела ее в администрации. Она стояла в просторных штанах, до боли напоминающих обычные черные треники, но в облегающей куртке. – Мне надо переговорить с Даниэлем. Можно тебя на минуточку?

– Да, конечно. – Некромант без лишних слов отошел.

Я наблюдала за секретаршей и магом смерти боковым зрением.

– Кто она?

– Ревнуешь? – поинтересовался Ридж

– Нет, – ответила я быстро и без сомнений. – Так кто она? Для него? Для вас? Я помню, как Ридж довольно по-дружески общался с ней в администрации. Мне просто любопытно, правда.

– Можно обменяться информацией, – деловито заявил Клайм, неуловимым движением поправив волосы.

– Например? – заинтересовалась я.

Ловелас озадаченно склонил голову.

– Ридж жаловался на твой рюкзак. – Лицо Клайма сделалось коварным.

Маг воздуха понимающе ухмыльнулся, потирая ладони.

Когда мы покинули мой дом, я взяла с собой рюкзак. Ридж всю дорогу до ворот академии терроризировал меня, спрашивая о содержимом, а я молчала как партизан. Отчасти не желая насмешек, но и просто из упрямства.

– Я рассказываю о том, что лежит в рюкзаке, а вы мне о вашей знакомой?

Клайм кивнул. Я вытянула руку вперед, и свершилось рукопожатие.

– На счет три, – предложила я.

– Давай. Ридж, считай.

Происходящее нравилось нам. Все же мы не могли обсуждать план действий, когда рядом куча народа, а молчание еще никогда не скрашивало ожидания.

– Раз, два-а-а, – на секунду замолчав, Ридж провозгласил, махнув рукой: – Три!

– Сковородка.

– Она подруга сестры Даниэля.

Громкий хохот Риджа разрубил повисшую тишину.

– Что? – Взгляд Клайма остекленел, кажется, он не совсем понимал, зачем мне кухонная утварь.

– У меня нет оружия. И магией я не могу воспользоваться, а сковородка показалась подходящим и привычным мне способом защиты.

Все же смех Ловеласа меня немного смутил, но я просто не могла представить, что останусь совсем беззащитной и полностью положусь на кого-то. Нет уж, пусть я и без магии, но обузой не стану!

Сковородка – пусть и банальное оружие для моего мира, но только, похоже, в этой академии с ним не знакомы. Посмотрим, кому потом будет смешно. Ну, я надеюсь.

Неожиданно лицо Риджа вытянулось и помрачнело, парень поморщился, словно от головной боли.

– Что ты услышал? – потребовал Клайм.

– Тильда здесь. Будет присутствовать на игре среди судей, – раздосадованно выдал Ловелас.

Маг энергии недовольства не выразил, но и особой радости тоже.

– А кто это? – Перемена в их лицах вызвала у меня недоумение.

– Моя сестра. – Некромант вернулся внезапно и как обухом по голове: – Ридж, что я говорил насчет подслушивания? Кого угодно, но не меня.

– Твоя сестра? – глупо повторила я, пытаюсь отыскать ее среди магистров у входа, но вперед на освещенный участок вышел ректор, а они отступили в тень, и лица смазались.

– Да. Видимо, ее пригласили помочь.

– Двое из Лефевров – это слишком много, – выдал Клайм, еще больше меня заинтриговав.

Я посмотрела на мага энергии, взглядом спрашивая, что он имел в виду, но тот лишь покачал головой: «Не сейчас».

Раздалась громкая мелодия – преподаватель по магическому искусству заиграла на незнакомом мне инструменте. Когда музыка смолкла и установилась тишина, глава академии заговорил. Произнес речь – помпезную, словно сам король выступал перед подданными, но он и вел себя подобно правителю – сдержанно, всезнающе и покровительственно. Я пыталась отыскать сходство между ним и Дарлой – может быть, одинаковый нос с горбинкой или разрез глаз, – но, сколько бы ни смотрела, оно не обнаруживалось.

Позади ректора, у щербатой стены, находился стол, где на бархатной скатерти посверкивали ключи желтовато-оранжевого оттенка.

Вскоре глава академии уступил место госпоже Фаден, и студенты оживились.

– Кхм. В правила Герадовой ночи внесено несколько поправок, – сухо провозгласила она. – Но сначала пройдемся по тем, что остались без изменения.

– Это плохо, – пробормотал Ридж, переступая с ноги на ногу.

– Не говори раньше времени, – мой шепот прозвучал неуверенно, немного нервозно.

Смотря на заместительницу ректора, которая зачитывала перечень основных правил, я пыталась ослабить свою повязку. Рука немела и невыносимо колола.

Даниэль обернулся, одними губами сказав: «Тихо», и его взгляд остановился на моем плече.

Лефевр отступил на шаг назад, бесцеремонно скинул мою ладонь и стал распутывать узел.

И вдруг прозвучало мое имя.

– ...Студентка остается участником от немагического отделения до первого применения своего дара. А теперь перейдем к главным изменениям.

До меня едва доходил смысл ее слов. Я завороженно наблюдала за ловкими движениями длинных пальцев Даниэля. Сердце подскакивало, как телега на ухабах, – обычная помощь превратилась во что-то интимное, выставленное на всеобщее обозрение. Глубоко вздохнув, я отбросила прочь отвлекающие мысли и мелькавшие один за другим вопросы. Лефевр закончил перевязывать ткань и с прежним независимым видом уставился вперед.

Тем временем госпожа Фаден перешла к самому важному:

– В этом году территория игры будет сокращаться с каждым часом. За десять минут до истечения времени на щитах с картами опасная местность будет помечаться красным. Все, кто по истечении часа окажутся на исключенном участке, выбывают из игры. – Она сделала шаг назад и, не дав опомниться, объявила: – Команды, прошу за ключами! Счастливой Герадовой ночи!

Ридж выругался. Клайм поджал губы, вопросительно взглянув на Даниэля. Лефевр был мрачен, но отнюдь не растерян. Его брови сошлись на переносице, похоже, он вносил коррективы в план.

Студенты роптали, никто не любил неожиданных сюрпризов.

– Неприятно, но не критично, – наконец выдал некромант, холодно усмехнувшись. – Ридж, сходишь за ключом? Все, что касается вас с Клаймом,

остается без изменений, главное – не окажитесь за пределами игры.

– Сколько осталось до начала? – спросила я, продолжая разглядывать магистров-судей у входа в замок. Шестеро стояли у стола с ключами и еще трое скрывались во мраке у закутка около главных дверей.

– Полтора часа, – ответил Клайм.

– Нам не пора? – обратилась к Даниэлю.

Каждая секунда в этой толпе истончала мою сосредоточенность. Некоторые студенты, расходясь, надевали маски, и толпа наполнилась нереалистичными персонажами историй, лицами с эмоциями вечного удивления, страха, печали и угрожающими осками.

Рядом прошли два студента. Один в маске вора с алыми глазницами и безумной улыбкой, обнажающей зубы, а другой – с мордой какой-то опасной твари. На мгновение я не увидела между ними разницы, человек и хищник слились в одно, и тут же заболела голова.

Закрыв глаза, я прогнала наваждение.

Этого они и добиваются – напугать, лишить самообладания. Как только истина открылась мне, я успокоилась, почувствовав внезапное умиротворение.

– Да, идем, – раздался голос Лефевра, когда Ловелас, уже взяв ключ, возвращался обратно.

Наша команда разделилась – тихо, без прощания и напутствий. С твердой решимостью победить и не пострадать. Эта ночь все изменит, поставит меня в иное положение. Уже оказавшись в команде с этой троицей, я заметила, что отношение большинства ко мне переменилось – от откровенно враждебного до любопытно-выжидающего. Теперь надо убедить их, что со мной шутки плохи.

Что ж, сковородка мне в помощь!

Глава 7

Предложение

– Почему ты злишься на меня? – Теперь, когда мы остались одни, я больше не могла молчать.

Даниэль, как бульдозер, продолжал неумолимо двигаться к мелькавшей впереди ограде Мертвяка.

– Ты тоже злишься. – Он даже не взглянул на меня.

– Но не так, как ты. – Ничто не указывало на его настрой, просто в одно мгновение, словно по щелчку пальцев, я поняла, что в его глазах бесновались гневные искры – каждый раз, когда некромант смотрел на меня.

Даниэль оставил шест у входа на Мертвяк, спрятав его в траве.

Скрипнула калитка кладбищенской ограды – хлипкая железка, предназначенная лишь предупредить, а не задержать. Выгнутые металлические пруты изъела ржавчина, и издалека казалось, будто их выкрасили оранжевой краской, но реальность была такова – место захоронений находилось в запустении. Надгробия почти отсутствовали – одни вытянутые каменные столбики с надписями без фотографий и даже имен. Остались лишь даты смерти и перечни преступлений, заменявшие обращение родственников.

Вместо теплых «Тому, кто был дорог при жизни...» или «Ты ушел из жизни, а из сердца нет» значились разные вариации жестоких, шокирующих поступков: «Вор и поджигатель», «Насильник», «Массовое убийство».

Сухие слова несли боль.

Фразы задвоились, и я отвела взгляд.

Я еще с подобным не сталкивалась, одно дело – читать в Интернете, видеть в телевизионных передачах, а совсем другое – знать, что кости чудовищ лежат

прямо под ногами и мы с некромантом собираемся их оживить.

«Это его дар – смерть. Прими. Возможно, он сам будет здесь похоронен», – прошептал словно не мне принадлежавший внутренний голос.

Я шумно втянула воздух носом.

– Здесь только преступники? – спросила, лишь бы заглушить мысли.

– Да.

– Но когда ты их оживишь, это будут лишь куклы?

– Не совсем, – напряженно отозвался Даниэль. – Крупички личности остаются, она в костях и остатках ткани, как след чего-то бывшего. Поэтому приготовься, некоторые из них будут болтать.

– Ясно. – Голос прозвенел на высокой частоте.

Они мертвы. Мертвы... Мертвые, но болтающие насильники и убийцы. Жесть...

Нет, так не пойдет, надо отвлечься.

Даниэль наклонился к одной из могил, туман в его ладонях закружился, в этот раз приняв облик не маленького безобидного облачка, а целого мутного вихря, сначала заслонившего рыхлую землю, а потом без остатка увязшего в ее крупичках.

– Идем дальше. – Даниэль выпрямился, мазнул по мне взглядом, и я вновь заметила искры гнева. Они забрали мое дыхание, и, словно отражение некроманта, я тоже начала злиться. Сжав зубы, я, как могла спокойно, уточнила:

– Здесь безопасно разговаривать? Нас никто не подслушает?

– Нет. Кладбище – моя территория. Я почувствую нежданных гостей, – не отрываясь от поиска нужного захоронения, ответил Даниэль.

Замечательно.

– Тогда я спрошу вновь: почему ты злишься на меня? – На мгновение голова опустела, но я живо собралась и с жаром продолжила: – Я не хочу всю ночь об этом думать, а я буду. Мне казалось, мы стали ближе. Что вдруг изменилось?

Может быть, я идиотка, раз выясняю отношения в неподходящий момент, но когда момент вообще будет подходящим? Времени всегда не хватает, и если это действительно меня тревожит, то лучше не откладывать на потом.

Даниэль молча закончил с очередной могилой и развернулся, желваки на его лице едва заметно двигались и не давали сохранить иллюзию полного хладнокровия.

Мертвяк тонул в наступившей тьме.

– Эм-ма. – Лефевр долго тянул согласную букву. Он словно пел мое имя, и оттого хотелось, чтобы некромант повторял его вновь и вновь, как заезженная пластинка. – Знак о предназначении беспокоит вновь? Из-за меня?

Вопрос ударил резко, сметая флер мечтательности, на мгновение поселившийся в моей голове. Видимо, я не смогла до конца скрыть дискомфорт, приносимый ожогом.

– Откуда ты... – и замолчала. Я попалась. Даниэль проверял меня, он не знал наверняка. – Нет, в этот раз не из-за тебя. Почти.

Челюсть Лефевра напряглась, на скулах вновь заходили желваки. Лицо некроманта стало рельефным, будто нарисованное прямыми хлесткими линиями карандаша на бумаге. Он сглотнул, и кадык на его шее дернулся.

Взбешен. И это впервые.

– Когда ты собиралась сказать, что ты иномирная? – На секунду прикрыв глаза и не скрывая раздражения, спросил Даниэль.

– Не знаю, – отводя взгляд, откликнулась я. – Когда ты понял?

Ладони некроманта сжались в кулаки, в ночи я расслышала хруст костяшек.

– О чужой душе в теле предположения возникли практически сразу. Но понадобилось время, чтобы убедиться. – Гнев, прорывавшийся в его голосе, обескураживал. – Потом заметил другие странности и вчера догадался, в чем дело. Не просто заблудившаяся душа, а иномирянка с предназначением.

– Даниэль, я не могла рассказать. Сам знаешь... – Я не чувствовала вины. Я не была виновата. Но, несмотря ни на что, тоска навалилась на плечи, как тяжелое изодранное одеяло, что не согревало, а вызывало озноб от горькой реальности. – Только не после того «теплого» приема, что ты мне устроил.

– Я сожалею. Мои поступки меня не красят, – без тени веселья признал Лефевр. – Но проблема не в твоём молчании...

Он замолк внезапно, и в звенящей тишине ночь окрасилась тревожными нотками. Наши взгляды пересеклись.

– Какое у тебя предназначение?

Я громко сглотнула. Хватило мгновенья, чтобы принять решение рассказать правду.

– Я не уверена, но, возможно, знак имеет значение «правда». Горидас предполагает, что мне надо узнать причину смерти Конкордии. Но ему я полностью не доверяю, поэтому не уверена. – Обняв себя за плечи, я немного успокоилась.

– Можешь показать мне, – безэмоционально предложил Даниэль. – Я скажу точно.

– Я подумаю над этим, – откликнулась я, копируя его бесстрастные интонации.

От ног Даниэля во все стороны пополз туман. В темноте он показался бордовым, почти сливающимся с землей, лишь иногда мерцавшие в глубине искры выдавали настоящий оттенок – красный с алыми сполохами.

– Что ты делаешь?

– Мы не можем терять время. Я помню положение могил, – небрежно отозвался парень, но затем тяжело добавил: – Значит... Ты вернешься?

Удар под дых. Расплата за мою легкомысленность. Нельзя было начинать то, что изначально обречено на крах. Я не задумывалась об этом в кабинете магистра, слегка тревожилась во время поцелуев на вечеринке, но теперь правда душила меня. И Даниэля тоже...

Вздох. Почему так больно? Не конец света, но из всех напастей, приключившихся со мной в академии, сейчас, в эту самую секунду, мне невыносимее всего.

Где-то в лесу, захватившем половину кладбища, надрывно кричала птица, будто отсчитывая истекающее время.

– Да. Я вернусь, – подняв голову, ответила сухим, как шорох листьев, голосом. – Надеюсь, это возможно. Я потрачу все силы, чтобы выполнить то, чего от меня хотят ваши боги. Это обещание самой себе, обещание моим родителям. Они не заслужили этого горя. – Мое самообладание дало трещину. – Я не могу с ними так поступить, Даниэль. Там моя жизнь. Должно быть, они сходят с ума!

Мою тираду Даниэль встретил молча, но в этом молчании была мука. Ночные тени играли на лице некроманта, искажая его, а мое воображение домысливало, принимая все за ярость. Но горький смешок рассеял недопонимание:

– Шутники. Похоже, они решили поскорее меня прикончить.

– Что? – растерянно спросила я, всхлипывая и утирая выступившие слезы. Даже не заметила, как заплакала. – Кто? О чем ты?

– Боги. Не бери в голову. – И, прежде чем я настояла на объяснении, Даниэль приблизился ко мне, двумя размашистыми шагами преодолев расстояние. – Я могу тебе помочь.

Упрямство. Настойчивость. Надежда. Если лицо Лефевра как чистый лист бумаги, то глаза – бушующее море, где голоса желаний и чувств смешивались

воедино.

– Повторяешься. Ты уже говорил об этом. – Я покачала головой.

– Да. И ты отказалась. Что, конечно, похвально, но глупо, – жестко продолжил он. Красный туман растекался под его ногами, но не касался меня, обтекая, как нечто неприступное. – Не тешь свою гордость под личиной благородства.

– Это не гордость! – вспыхнула я.

Даниэль склонился невыносимо близко.

– Я успел изучить тебя, Эмма. Это она. – Его слова потонули в моих губах.

– Твое всезнание раздражает, Даниэль, – тревожно прошептала я.

– Но и привлекает. Не так ли? – не смутился некромант и, отстранившись, продолжил: – Я предлагаю маленькую сделку.

– Какую?

– Пока мы ищем правду и разбираемся со всей мерзостью, а накопилось ее немало, – мрачно заявил он, – я прошу, чтобы ежедневно, хотя бы несколько минут, ты думала о возможности остаться здесь, со мной.

– Зачем, Даниэль? Если предназначение исполнится, у меня не спросят, хочу ли я остаться.

– Некоторые из таких, как ты, не вернулись. Знак исчез, но они не покинули этот мир. Склоняюсь к тому, что согласие необходимо... Ты ведь молода? – Лефевр поднял одну бровь.

– Да, мне столько же, сколько и Конкордии. – Об одинаковых телах я упоминать не стала. Эта подробность ему ни к чему.

Тон некроманта и взгляд, растерявший свою нежность, помогли собраться и мне. Чувства уступили, позволяя благоразумию взять верх в незатихавшей битве.

– Забавно. В тело Райалин мог попасть кто угодно. Престарелый мужчина или женщина, парень, но это оказалась ты, – довольно цинично продолжил парень.

– Честно, не вижу ничего забавного. Что ты хотел этим сказать?

Даниэль вздохнул, слегка отклоняясь назад:

– Ты молода, а жизнь длинна и переменчива. Это этап взросления, Эмма. Постепенно родители отдаляются, и ты все меньше нуждаешься в них. Я не говорю о забвении, но со временем привязанность, что была в детстве, истончается, становится менее острой. В перспективе у тебя появятся муж и дети, и уже они станут центром твоего мира. Обычно бывает так.

– Ты забегаешь слишком далеко, Даниэль. – Последние фразы смутили меня, но некромант принял на себя роль бесстрастного судьи и не собирался от нее отступать.

– Я рисую перед тобой полную картину. Раскладываю по полочкам факты. Что, если у тебя появится опора в этом мире? Что-то, дающее уверенность? Родители всегда останутся в сердце, но ведь есть что-то иное.

– Ты меня еще сильнее запутал, некромант. Это звучит очень... очень... – я запнулась. На миг показалось, будто он делает мне предложение. Но это ведь бред.

– Я смогу забрать тебя у Райалинов. Это хлопотно, но не сложно. У Сарманеля просто не останется выхода.

Я стремительно приблизилась к Даниэлю и приложила ладонь к его лбу. Захотелось отхлестать мага по лицу, чтобы привести в чувство. Но взгляд некроманта оставался ясным как никогда.

– Верно ли я понимаю... – не отнимая ладони и нахмурившись, начала я.

– Если ты останешься, я предлагаю стать частью моей семьи. Мы просто будем вместе. По мне, статус – обычная формальность.

– Тебе не кажется, что это слишком? – изумленно спросила я. Но по одному взгляду некроманта становилось понятно: нет, он так не считает. А последовавшая откровенность окончательно выбила почву из-под ног.

– Слишком то, что ты мне нужна? Что я нуждаюсь в тебе больше, чем в ком-либо другом? Нет, ничуть. – Он перехватил мою ладонь, сжимая ее в своей и поднося к губам. Искорки притяжения заскользили по коже, тело настойчиво требовало большего, просило согласиться прямо сейчас, наплевать на всех и вся и утонуть в этих беспредельно темных, как сама ночь, глазах. – Я не заставляю и не принуждаю, просто предлагаю подумать. Решение за тобой.

Нет, мне нельзя. Это неправильно. Мир не вертится вокруг нас двоих.

– Замуж... Второй день – и замуж? Ты не думал о том, что потом пожалеешь? Чувствам свойственно меняться, особенно когда узнаешь человека чуточку лучше. – Я знала, как бывает, возможно, сейчас я даже люблю его, хотя сложно называть что-то, столь бурно возникшее за пару дней, любовью. То, что быстро возникает, не менее стремительно перегорает.

Только кому я вру? Пусть неопытная, пусть впервые в груди разгорелось пламя, но оно такое жаркое и необъятное, что кажется, потушить его может лишь смерть. Я не сгущала краски, а действительно верила в это.

Даниэль иронично усмехнулся, отпуская мою ладонь:

– Эмма, я не мальчик. Я столько раз сталкивался со смертью, что научился отличать мимолетные желания от того, что мне необходимо. Меня всегда озадачивала человеческая лень. Любя кого-то, мечтая о чем-то, они находят кучу отговорок, чтобы ничего не делать и жить сожалениями. Я не такой. Я знаю, чего хочу. Я хочу тебя.

Мое дыхание вернулось, а вот сердце нет. После столь откровенных слов оно по собственной воле осталось в плену.

Я со свистом втянула воздух сквозь зубы:

– Твоя прямолинейность обескураживает.

– Да? Мне это льстит.

– Ты когда-нибудь бываешь скромным? – спросила, утыкаясь лицом в плечо некроманта.

– Скромность? – насмешливо переспросил он. – Кажется, меня когда-то учили ей. Но урокам я не внял.

Я замолчала. Маленькое отступление позволило собраться с мыслями.

– Значит, несколько минут в день? – протянула я, отстранившись.

– Да. Не так уж много, верно?

– Это точно. – В горле пересохло, и я чувствовала себя так, будто меня несколько раз перекрутили в мясорубке и слепили вновь. – Тогда вряд ли у меня остается...

Завершить фразу не успела – неожиданный свистящий гул и последовавший взрыв, словно где-то бомбанули фейерверком, встревожили, заставили крутить головой в поисках источника шума.

Вспышка – и тучи окрасились ярко-голубым. Всего мгновение – и небо вновь погасло.

– Что это?

– Игра началась. – Даниэль рванул в глубину кладбища.

Я кинулась за ним:

– Еще же рано!

– Ну, похоже, нам устроили сюрприз.

Некромант остановился у едва ли не единственной могилы с широким каменным надгробием. Прикрыл глаза. Воздух налился тяжестью и замерцал красными кристаллами, а потом земля под ногами пришла в движение...

Глава 8

Новые обстоятельства

До официального начала игры...

Клайм и Ридж шли молча. Некоторое время их сопровождали голоса студентов – тихие перешептывания, обрывавшиеся внезапно, как мелодия, поставленная на паузу. Участники расходились, таились и наконец исчезали из виду, пропадая в закутках улиц или в темнеющих проемах домов, чьи распахнутые двери приглашали всех и вся.

Первое, что требовалось, – забрать маски в одном из тайников, следующее – спрятать ключ. И касательно второго пункта у Клайма имелись сомнения. Когда Даниэль умалчивал о деталях, это могло означать лишь несколько вещей: он либо не доверяет, либо уверен, что подробности им не понравятся.

– Ключ найдут в ближайший же час. Зачем прятать? – спросил Клайм, когда впервые услышал план полностью.

– Не найдут. Я об этом побеспокоился.

– Не хочешь ли сообщить, как именно?

– Нет, – обрубил Даниэль, чем даже у спокойного мага энергии вызвал раздражение.

Теперь Клайм и Ридж были вынуждены перемещаться по меткам на карте, приводя в исполнение витиеватый замысел некроманта.

Ловелас опустился на колени у одной из клумб, где многолетние цветы росли вперемешку с рослыми сорняками, покрытыми колючками, цеплявшими всякий мусор: клочки бумаги, пух, обильно разносимый ветром от деревьев из ближайшего леса, чей-то легкий шарф, имевший некогда синий оттенок, а теперь обезображенный серыми разводами грязи.

– Уборщики из конторы Барклей недорабатывают, – проворчал Ридж, когда вместо свертка нащупал в кустах чей-то ботинок со следами зубов на коричневой коже.

– Напиши жалобу, – вставил Клайм, чувствуя пульсацию следящего артефакта. Парень сомневался, был ли это случайный прохожий, или за ними действительно следили, что не исключено, ведь они не таились, уходя с места сбора с одним из семи ключей.

– Обязательно. И не одну. Только сначала мне надо отыскать, где отмыть руки. Не знаю, смыл ли дождь слюни и была ли животина, погрызшая этот ботинок, больной, но я все равно брезгую. – Ловелас вытащил перевязанный шнурком сверток из кустов, но раскрывать его не стал. Зажав добычу под мышкой, распрямился.

Обменявшись взглядом с другом, Ридж сдержанно улыбнулся, отбивая ногой незатейливый ритм, будто вот-вот готов пуститься в пляс, а подувший ветер взметнул края его капюшона. Клайм с непроницаемым лицом нащупал в одном из многочисленных отделений кармана необходимый артефакт, выполненный на манер диска с верхней поворотной частью.

Фонарь над головами парней, что исправно светил каждую ночь на протяжении долгих шестнадцати лет, неожиданно замигал, издал тихий стрекот и погас, погрузив друзей в ночной сумрак. словно получив сигнал, огни стали гаснуть один за другим, как перегоревшие лампочки неисправной новогодней гирлянды.

Когда через десять секунд улицу вновь залил рассеянный желтоватый свет, след магов воздуха и энергии уже простыл, лишь ботинок, выброшенный из кустов в центр выложенной камнями дороги, и кусок непромокаемой серой

ткани, прилипший к сорнякам-колючкам, говорили о недавнем визите.

Ивонна расхаживала по комнате, сминая в ладони клочок бумаги. Девушка остановилась, разжала кулак, ее взгляд вновь пробежал по строчкам, вызвав новую гримасу злости на лице.

На полу валялся плащ, отброшенный к стене в порыве ярости. Черная маска, напоминавшая клюв гигантской птицы, валялась у ног притихшей Карлет, что сидела в кресле и с замиранием сердца следила за метаниями старшей сестры. Она знала, что если произнесет хоть слово, то обратит ее гнев на себя. Такое уже происходило, и не раз. Самый лучший кандидат для выпуска пара – тот, кто ничего не скажет в ответ, кроме сбивчивых оправданий и слов защиты, которые будут сметены новым приступом гнева.

Сбор у академии они уже пропустили, а если в течение часа не выйдут на улицу, то и Герадову ночь – тоже.

– Я столько сил на это потратила... Времени... – в который раз повторяла Ивонна, поджимая губы и плотно стискивая зубы. Черты девушки заострились так, что подобранная ею клювовидная маска, призванная закрывать лишь верхнюю часть лица – лоб, глаза и нос, – казалась донельзя подходящей, придававшей вид жнецов смерти из детских сказок, что в черных одеяниях путешествовали по миру в дни памяти – несколько дней в году, когда вспоминают умерших родственников и близких. – Я еще могла все исправить!

Топнув ногой, целительница остановилась. Ее взгляд замер на Карлет, и девушка попыталась взять себя в руки.

«Не проявляй слабости перед последователями, если хочешь, чтобы они продолжали идти за тобой», – сама себе напомнила Ивонна.

Когда Конкордия упала с башни, Ивонна ничего не испытала – ни радости, ни сочувствия, лишь легкую озабоченность. Ведь официально признали, что девушка прыгнула сама, а ни для кого не оставались секретом отношения

между сестрами. Только нападки давно потеряли былую остроту. Если первый месяц целительница, чувствуя конкуренцию, делала все, чтобы избавиться от соперницы, то потом расслабилась, решив, что своей цели достигла.

Происшествие быстро замяли, не позволили начать расследование. Райалины сделали все, чтобы избежать возможного скандала.

«Правда? Да кого она волнует. Даже если Конкон спрыгнула не сама...»

Но могла бы она подумать, что чудесное спасение и возвращение Конкордии в Холиральскую академию отбросит ее на много шагов назад? Нет, никогда! Пока в первый же день отношение некроманта к сестре не переменялось от полного игнорирования до показного внимания, основанного на неприкрытой неприязни. Которая недолго оставалась таковой.

– Что же случилось? Почему? Я не понимаю! – воскликнула Ивонна, вновь не сдержавшись.

Карлет вздрогнула. Ивонна громко выдохнула, прикладывая руки к вискам, успокаивая разгоряченную кровь и заставляя лицо, покрывшееся красными пятнами, вновь приобрести идеальный светло-фарфоровый оттенок. Неплотный туман молочного цвета окутал ладони девушки.

– Сегодня мы никуда не пойдем. Нам запретили, – наконец-то собравшись, объявила Ивонна и сквозь зубы добавила: – Глава рода считает, что раз кто-то из нас приблизился к некроманту, то мешать не стоит.

Карлет сморгнула. Девушка уже жалела, что когда-то приняла активное участие в травле. Откровенно говоря, Конкордия ее пугала. Пощечина положила начало страху, смелость, проявленная в стычке с Иридой, укрепила опасения, а предупреждающий взгляд, который Карлет временами ловила на себе, напоминал, что расплата близка.

– Разве нас не ждут? – прошептала девушка.

– Нет. Ириду я предупредила. Ее это не обрадовало, но ничего не поделаешь. – Ивонна остановилась у окна, задумчиво покусывая нижнюю губу. – Ты же

учишься с Конкон? Какая она?

Вопрос сам по себе звучал странно, но за прошедшую неделю Ивонна сомневалась, что в действительности знает, что собой представляет Конкордия Райалин.

Взгляд Карлет заметался. Ивонна нахмурилась.

– Мне сложно сказать. На занятиях она только учится. Общаться ни с кем не пытается... – младшая сестра замолчала, кое-что вспомнив. – Хотя в последние дни она сблизилась с дочкой ректора.

– Той самой девкой, что исключили с магического отделения?

Карлет быстро кивнула.

– И что же их сблизило, интересно? – спросила Ивонна, скорее обращаясь к себе.

– Не знаю, – уронила Карлет. Девушка чувствовала невероятное облегчение оттого, что ее участие в игре отменилось.

Ивонна раздраженно отмахнулась, вновь меряя шагами комнату.

– Поразительный талант заводить знакомство с теми, к кому остальные даже приблизиться не могут, – задумчиво прошептала она. – Здесь явно что-то не так. Надо разобраться. Ненавижу чувствовать себя дурой. Еще это пробуждение магии...

Целительница замолчала. Она не хотела выдавать все, о чем было написано в послании. Мать прямым текстом сообщала, что глава в восторге от успехов внучки и от появления нового природника в роду. Пара предложений, а смысла в них оказалось больше, чем в большинстве писем, где суть размазана на страницы текста, потому что... Сарманель Райалин никогда и ни от кого не был в восторге.

Три людских порока – Пьянь, Дурман и Лень – герои взрослых сказок с неизменно плохим концом. Если в покупке масок для себя и Загадки Даниэль предоставил магу воздуха свободу выбора, то для Риджа и Клайма имелись четкие указания.

Дурман – карлик с позеленевшей кожей, носом как покатая гора и волосами, зачесанными в форме сосульки на затылке, – достался Риджу. Клайм надел маску Лени – жирдяя с обвисшими щеками и непропорционально широким ртом от уха до уха, в иллюстрациях во весь рост он часто держал на ладони огромный поднос с едой, не всегда приятной на вид. Маска Пьяни же осталась ничьей. Некромант забрал ее, ни слова не сказав друзьям.

Троица персонажей оказалась неполной, но, шагая к следующему пункту назначения, ни Ридж, ни Клайм об этом не вспоминали – тяжело оставаться в тени, когда студенческий район, как никогда, кишит гуляющими студентами, поэтому времени на посторонние мысли не оставалось.

«Кто бы за нами ни следил прежде, он отстал», – удостоверился маг энергии, незаметно проверив артефакт.

В центре двора, в который забрались парни, находился разбитый фонтан, кусок отколотой чаши лежал неподалеку, у забора, прикрытый отрезком плотного брезента. Под тем же брезентом они и спрятали ключ.

«Не совсем надежное место, но...»

Маг энергии остановился, задумавшись и не спеша уходить.

– Подождем немного. Время еще есть, – прошептал Клайм.

Маска Дурмана, надетая на мага воздуха, склонилась набок, выразив недоумение:

– Чутье?

– Да. Живот крутит.

– Знаешь, я бы сказал, что тебе надо сделать, чтобы он успокоился. Но ты все равно не послушаешь... – с тихим весельем послышался искаженный магией шепот Риджа – грубый голос, срывающийся на хрип и кашель.

– Ты не шутил, когда мы избежали той засады в Нордовском переулке, – безмятежно возразил Клайм. Его голос сливался с негромким бульканьем, словно где-то трясли сосуд, наполненный водой.

Ридж хотел возразить, но маг энергии резко прижал палец к губам. Артефакт пульсировал, выдавая чье-то приближение. Оба, не сговариваясь, прижались к забору, слившись с тенью, падающей от него на землю.

Медленно потекли секунды – первая, вторая... Когда Ловелас сосчитал до десяти, он решил, что прошла целая вечность, и в этот момент благодаря своей магии различил шуршание – легкая поступь девушки. Парни так ходить не могут, если, конечно, они не слишком худощавы и не женственны. Ридж указал направление, а Клайм сдвинулся с места, готовясь к броску.

Маг воздуха кивнул, подав знак и едва не задев длинным носом Дурмана доски забора. Клайм остановился.

Легкий стук, забор качнулся, тонкие пальчики вцепились в верхний его край, а через мгновение фигура в плаще с шуршанием спрыгнула на землю.

Пусть Клайм и являлся магом энергии, но слабаком отнюдь не был, и Ридж в который раз в этом убедился. Из-за темноты движения смазались – вот парень прижимался к забору позади неизвестной, а спустя миг поменялся с ней местами.

Бедрами маг энергии прижал девушку к забору, одной ладонью накрыл глаза, а второй удерживал заведенные вверх руки. Обездвижив и лишив возможности видеть, Клайм не оставил ей и шанса прибегнуть к дару.

Шумное дыхание и непрекращающиеся попытки вырваться нарушили тишину ночи.

– И кто это у нас? – почти ласково проговорил Ловелас, заглядывая под капюшон.

– Нос свой убрал, Ридж!

Парень отпрянул, услышав тягучий голос, пусть и преображенный маской Пьяни, но от этого не менее узнаваемый.

Клайм шумно втянул носом воздух, пальцы сильнее вцепились в женские запястья. Все его поведение было крайне нетипично для скупого на чувства мага энергии.

– И что ты здесь делаешь... – хватка Клайма ослабла, еще мгновение, и он отстранился, тяжело закончив: – Дарла?

Девушка уверенно выпрямилась, скидывая капюшон и отодвигая маску Пьяни в сторону. В отличие от других двух персонажей третий грех изображался женщиной с сероватой натянуто-пергаментной кожей, короткой стрижкой с бритыми висками и двумя яркими пятнами – алые губы и золотистая радужка глаз.

– А какое тебе дело, Клайм? У меня договор с Даниэлем, не с тобой, – грубо откликнулась Дарла, качая головой в такт словам.

Ридж отвернулся и задумчиво почесал голову. Вмешиваться он не собирался, это был тот самый случай, когда третий лишний схлопочет словесную трепку.

– Я лишь спросил. Грубить не обязательно. – Маг энергии сложил руки на груди, к нему вернулась прежняя рассудительность.

– Тогда не будем задерживать ни вас, ни меня. – Дарла резко развернулась и направилась напрямик к брезенту.

– Разве тебе разрешено пользоваться даром? – сухо уточнил Клайм, не мешая девушке вытащить ключ.

Дарла тихо хмыкнула:

– Нет. Все еще запрещено. Но я и без него кое-что умею. – Дочка ректора откинула брезент и вскоре сжала в ладони одно из сокровищ этой ночи. Ее

взгляд задержался на ключе, выдавая любопытство, но уже через секунду он исчез в складках ее плаща.

– Так, я чего-то не понимаю, – решительно встрял Ридж. – Мы должны были передать ключ тебе? С какой радости мы тащились на другой конец студенческого района?!

– Это вопрос не ко мне, – безразлично откликнулась девушка.

Маг воздуха издал страдальческий стон.

– Тише. Тебя могут услышать, – сделал замечание Клайм.

– Ну-ну. Когда ты прижимал меня к этому забору, твой голос звучал куда громче. Парни, вам надо поучиться самоконтролю, – настоятельно порекомендовала Дарла, оценивающе рассматривая ограду. – Хотя чего это я, кое-кто с ним явно переборщил. Верно, Клайм?

– Хватит, – отчеканил маг энергии.

– Обидела? Я не хотела... – Дарла подпрыгнула, ухватившись за край забора, и, уже будучи наверху, добавила: – Ой, соврала. Именно этого я и хотела. Пока, мальчики.

Дарла двигалась ловко, чувствовала каждую клеточку своего тела. Только, собираясь спуститься на землю, она не учла одного – сигнала к началу игры, озарившего небо светом и разорвавшего пространство рокочущим грохотом.

Парни услышали тихий вскрик и возню на другой стороне забора.

– Игра началась. Они подали сигнал раньше времени! – всполошился Ридж.

– Теперь мы запаздываем, – бросив последний взгляд на ограду, за которой скрылась девушка, Клайм развернулся в противоположную сторону. – Пошли. Надо спешить.

Глава 9

Нюансы

Они вылезали на фоне ночного неба – костлявые, с обрывками ткани. В отличие от хваленых фильмов про зомби эти существа с ног до головы окрасились в красный – туман некроманта будто создал их заново, восстановил некое подобие лица и прикрыл причинные места.

Лучше бы они оставались ничем...

Некромант постоянно оборачивался, напряженно вглядываясь в мое лицо, ища намеки на ужас и попытку сбежать. Я его не винила, у меня действительно была мысль о побеге, но недолго, примерно пару секунд, пока мысль о бесполезности этого действия не возобладала над трусостью.

Мертвецы скрежетали челюстями, выбирались из-за деревьев и, как марионетки, выстраивались в ряд. Из глубины леса вылетел красный огонек, закружил над нашими головами и приземлился на плечо одному из трупов, оказавшись птицей размером с ворону.

– Хм, одного не хватает... – протянул Даниэль, хрустя суставами, как после долгой сидячей работы.

– Неужели? – По мне, семи штук оказалось более чем достаточно.

– Тебя испугали мертвецы?

Кто-то из названных издал невнятный стон протеста.

Боже, кажется, у меня дергается глаз.

– Почти нет, но они определенно заставляют меня нервничать.

Некромант усмехнулся, а ближайшие кусты закачались, будто в них копошился заяц. Только вылез к нам вовсе не заяц и даже не мышка... При жизни мертвец имел внушительный рост, который и сохранил после смерти. Он двигался почти естественно, не рывками, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Лицо трупа повернулось ко мне, а призрачные губы растянулись в довольную улыбку.

– Вот и он, – констатировал Лефевр и без того понятную истину.

– Сладкая... – протянул труп, протягивая ко мне ручищи. – Какая сладкая.

– Э-э-э, чего это он? – Мой голос сорвался, но не на писк, а на зычный мужской баритон. Я скинула рюкзак с плеч и панически дергала завязки, чтобы скорее добраться до сковородки.

Брови некроманта сошлись, а конечности трупа опустились.

– Если память не изменяет, при жизни этот мужчина был насильником. Его относительно недавно похоронили, – со вздохом объявил он. – Тебе не понравится то, что я хочу сделать.

– Так не делай. – Я уже достала сковородку из рюкзака.

Даниэль покачал головой, его лицо превратилось в камень.

– Защищать, – прозвучал односложный приказ, будто обращались к собаке.

– Да ты, должно быть, издеваешься...

Скелет насильника, гроыхнув костями, зашагал ко мне, оставляя притоптанные следы на траве. Носа достиг влажный земляной запах, смешанный с чем-то еще, я никак не могла понять, с чем именно, но все равно морщилась от отвращения, ведь этот запах определенно исходил от оживленца.

Под испытующим взглядом Даниэля мертвец остановился.

– Он сильнейший. Я тщательно выбираю, кого оживлять.

– Сладкая... Защищать сладкую... – еще явственнее звучал голос.

Меня передернуло.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. – Мы и так задержались, и мне не хотелось, чтобы опаздывали из-за меня.

– Знаю.

– Сладкая...

– Но если мертвец продолжит в том же духе, я познакомлю его с дном этой сковородки, – я взвесила утварь в ладони.

– Можно, если не сильно, – согласился некромант.

– Да? Ты меня обрадовал, Даниэль. Это замечательный манекен, чтобы отточить мои навыки. – Вообще, я храбрилась и бить скелет точно не собиралась. Пока не собиралась... Слова мертвеца напоминали слабый зуд: вроде особо не беспокоит, но позабыть о себе тоже не дает.

– Только без шума, Загадка. Когда покинем кладбище, надо будет действовать тихо, – предупредил Даниэль, разворачиваясь спиной.

Мой взгляд задержался на парне, очерчивая высокую фигуру с головы до пят. Уголки губ медленно опустились, следы наигранного веселья растворились в каплях вновь пошедшего дождя, прочерчивающего прохладные дорожки по моим щекам.

Красивый. Настолько, что подобен яркому свету, привлекающему глупого мотылька. Я и буду тем самым глупым мотыльком, если решу остаться.

Конечно, велик шанс, что мое тело в родном мире мертво... И тогда оно не сильно отличается от этих ходячих мертвецов, разве что плоть еще на месте. Да и все самое сокровенное прикрывает одежда, а не красный туман. Но тогда возникает вопрос: если перемещение в один конец, то откуда предназначение? Какой резон мне вообще его исполнять?

Эгоистично? Да. Но логично.

Мы покинули кладбище под ночные звуки усилившегося ветра – яростного, пронизывающего и ледяного, словно приносимого с самого Северного полюса. Я поежилась. Скелет за моей спиной клацнул зубами – звук до боли напоминал столкновение двух фарфоровых тарелок. Остальные оживленцы разбрелись, пусть двигались они неестественно, но определенно быстрее людей.

Даниэль склонился к траве, поникшей от влаги и чуть пожелтевшей – то ли от палящего солнца, правившего небосводом несколько дней назад, то ли от стремительно понижающейся температуры. Из рта вырвалось облачко.

«Скорее всего первое...» – решила я, вспомнив, как в прошлом году видела темную зелень под серебристым слоем внезапно выпавшего снега.

Когда Даниэль распрямился, помимо шеста в чехле он сжимал темный сверток размером чуть больше энциклопедии – тяжелый, толстый, примерно таким фолиантом я была подругу где-то в шестом или седьмом классе. Делала я это не со зла, несильно и даже скорее из благих побуждений, просто в то время она повадилась ругаться крепкими словечками, а я, как невинный цветочек одуванчик, занималась ее воспитанием. Теперь даже рассказывать об этом немного стыдно... Я ведь и без мозгов могла ее оставить.

Некромант шумно выдохнул. Встав на носочки, я заглянула ему через плечо.

– Что это? – Содержимое свертка удивило меня.

Даниэль повернул голову, а я едва не чмокнула его в щеку.

– Наши маски, – прошептал он, уголок его губ приподнялся. – Ридж постарался.

– Черт! Он что, сам дырки для глаз вырезал? – В выпуклом черном овале из твердого материала размером немного больше головы были проделаны две прорези для глаз.

Взяв одну из масок, я подняла ее в воздух, внимательно рассматривая работу Ловеласа.

– Да, ножом выскреб, – холодно подтвердил Лефевр.

– Ты видишь? Завязки приделал. – Я подергала за веревку и убедилась, что держится она крепко.

– Тебе нравится? – бесцветно спросил некромант, покачивая в ладони маску-самodelку.

– Не особо. Но мы должны оценить все его старания и фантазию, – простодушно откликнулась я, с сомнением посмотрев на черный полукруг.

Лицо Даниэля расслабилось, приобретя некую мягкость. На самом деле фантазией в этой самодеятельности даже не пахло. Но теперь Ловелас мой должник, я спасла его от мести.

Глава 10

Оплошность

– Кладбище и несколько корпусов академии исключаются, – сообщил некромант. Теперь я понимала, для чего он оживил птицу – чтобы узнавать информацию со стендов с картами, не приближаясь к ним.

За прошедший час мы никого не повстречали – оживленцы Даниэля, кроме шепчущего насильника, пусть и пропали из виду, но исправно справлялись с угрозами.

– Они сами сбегают, завидев скелет. Смерть пугает людей. Один ее вид вводит их в слепой ужас, – процедил Даниэль.

Временами глаза Лефевра окутывал красный туман, пробирающийся сквозь маску, и в эти моменты я прятала взгляд, но отчетливо понимала: он смотрит, видит мир чужими глазами.

– Но на них уже попытались напасть?

– Нет. Пока никто, – скупно бросил он. – Говорю же, они всех пугают. Очень.

Даниэль относился к чужому страху как к чему-то само собой разумеющемуся, как заядлый игрок принимает свою победу или спортсмен мирового уровня предсказуемо побеждает на соревновании в захолустном городишке.

Дальновидность Даниэля настораживала, но почему – я до конца не понимала и решила отложить размышления по этому поводу на более благоприятное время – безопасное, без погонь и постоянных оглядок.

Рукодельная маска Риджа сидела неплохо, не принося больших неудобств, но постоянно съезжала, и ее приходилось поправлять. Когда я подняла веревки и зацепила их за уши, словно заправила локон волос, ситуация стала чуточку лучше. Но, судя по тому, как часто Даниэль терзал свою маску – резкими движениями, выдававшими раздражение, – нотаций Ловеласу не избежать.

Мы бесцельно передвигались с места на место, игра только началась, и пока хотя бы один ключ был в наших руках, она, по словам Даниэля, не закончится. Так мы могли контролировать ситуацию, не дать победить никому другому.

Надеюсь, Клайм и Ридж справятся, сохранят наше преимущество и страховку, позволяющую вот так просто и не спеша шататься по улицам студенческого района.

Мы свернули за угол, оказавшись в переулке между домами. Скелет насильника неуклюже последовал за нами. Он продолжал постоянно звать меня, так что я уже возненавидела его потусторонний шепот. Мне казалось, будь он чуточку живее, то пускал бы слюни, как какое-нибудь животное. Очень гуманно позволять некромантам тревожить могилы преступников. Унижения после смерти, издевательство над их телами – это как раз то, что необходимо этим мерзавцам.

В тесном переулке окна домов выходили вплотную к низкому забору. Некромант перемахнул через ограду и уже на другой стороне, положив обе ладони на стекло, надавил – рама беззвучно отъехала, позволяя забраться внутрь.

– Сторожи, – коротко бросил некромант оживленцу, изгородь заканчивалась на уровне его плеч. – А ты давай ко мне.

– Даниэль, ты хотя бы тон голоса меняй, когда ко мне обращаешься, – проворчала я, неуклюже пытаюсь вскарабкаться наверх. Бедро жгло, еще и в руках чувствовалось какое-то напряжение, но скорее всего из-за адреналина. Сердце уже долгое время стучало как безумное, а ладони потели из-за постоянного ожидания засады.

– Если ты обращаешь внимание на такие мелочи... – насмешливо начал Даниэль.

– Это не мелочи, некромант, а обычное уважение. Кому понравится, что ты обращаешься к нему с тем же видом и тоном, каким отдаешь приказы трупам? – Маг смерти хотел помочь мне спуститься, но я не позволила, хоть и неуклюже, едва не порвав плащ о столб, сама спрыгнула на землю. Уже распрямившись в полный рост, серьезно добавила: – Никому.

– Наставления. Что же дальше? Проповеди будешь мне читать? – неодобрительно поинтересовался Даниэль, шире распахивая окно и забираясь внутрь.

– От проповедей я далека. – Вцепившись в протянутую ладонь и оттолкнувшись от земли, встала на подоконник, пригибая голову, чтобы не удариться о верх оконного проема. – Но, Даниэль, если такой пустяк для тебя слишком, задумайся, перед тем как просить меня остаться: а уживемся ли мы?

Границы отношений обозначаются сразу – или так, или никак. Неуважения к себе я не потерплю.

Вопрос остался без ответа, и воцарилась гнетущая тишина. Я спрыгнула на пол и сняла маску.

Некромант остался на месте. Сложно было сказать, разозлили его мои слова или обидели. Может, ему вообще плевать... Маска скрывала лицо Даниэля, заслоняла от меня его эмоции и чувства.

– Я в уборную. Хочу помыть руки после кладбища. – Я сделала лишь шаг, когда, вскинув шест, Лефевр перегородил мне путь.

Сердце подскочило, а я застыла в ожидании, умоляя и прося: «Сделай что-нибудь, скажи, пойдь навстречу. Не позволяй мне сомневаться в тебе».

– Будь осторожнее. Перед началом мы затворили дверь в этот дом, чтобы все думали, что он не участвует. Но кто-то мог свериться с картой и забраться внутрь, – сказал Даниэль, отводя шест в сторону.

Разочарование. Не это я ожидала услышать, не об этом просила, и уж точно я не должна была принимать слова Лефевра близко к сердцу. Но вопреки здравому смыслу они ранили меня – я желала как можно скорее остаться одной.

– Ясно. Позову, если на кого-то наткнуся, – процедила в ответ и, обогнув диван, стоящий в центре комнаты, вышла.

Скрывшись с глаз некроманта, остановилась. Из-за темноты я видела лишь очертания предметов, и то благодаря часам на стене, циферблат которых едва заметно мерцал.

Надо на время забыть о случившемся, иначе я еще больше накручу себя и расстроюсь.

Следуя собственному решению, пустилась на поиски уборной. Дом, в который мы забрались, обладал более скромной планировкой и обстановкой, чем мой, – узкие коридоры, скромная прихожая, плетеные коврики без ворса под ногами, никаких картин на стенах, хотя, по моему скромному мнению, это скорее плюс, чем минус, на потолке нет роскошных тяжелых люстр, лишь неприметные светильники из мутно-белого стекла со сверкающей – вероятнее всего, металлической – каемкой по краям.

За первой попавшейся дверью обнаружилась кладовая с полками во всю стену и всяким хламом – пыльной посудой, вещами, сложенными в стопки, и несколькими стульями. За второй находилась чья-то спальня, крохотная, с кроватью, аккуратно застеленной покрывалом с подвернутыми краями, и широким комодом. Третья попытка отыскать уборную оказалась победной.

– Вот это больше похоже на правду – на жизнь обычных людей, – прошептала я, найдя удивительное сходство уборной с обычным квартирным санузелом.

Комнатка в доме Клайма напоминала уборную дорогого ресторана, в зеркале которого считает нужным сфотографироваться каждая посетительница.

Потом заполняют свои страницы в социальных сетях туалетными фоточками...

Единственным отступлением от привычного был цветочный горшок, поставленный в углу, с почти зачахшим растением – видимо, из-за отсутствия солнечного света.

Помыв руки, я не могла оторвать взгляд от цветка – еще живого, но на грани, буквально несколько дней, и из земли будет торчать сухая ветка, которую без сожаления выдернут из горшка и выкинут.

Мы с Даниэлем не торопились, если, конечно, территорию дома не решат исключить из игры.

Я присела на корточки с видом ботаника, заполучившего редкое растение для изучения. Без посторонней мысли протянула руку и коснулась засохшего и шершавого, как наждачная бумага, листочка.

– Черт! – выругалась, когда часть листка отломилась, оставшись в моей ладони. Наваждение это или помутнение рассудка, но я была уверена, что причинила растению боль. – Извини. Я не хотела. Пожалуйста, прости...

От руки отделился клочок тумана, мерцавшего искрами – зеленый свет озарил мое озадаченное лицо, – и прильнул к растению, заботливо укутал, как мать родное дитя, и возродил...

Цветок вытянулся, распустил новые листья, что нежно коснулись моей щеки, и я почувствовала благодарность, тепло, безумную радость, взорвавшуюся, как взрывчатка в тесном пространстве – звучно, броско, разрушительно.

Растение перестало расти. Туман исчез. Я сглотнула, чувствуя сухость в горле. До меня медленно, но верно доходила вся глупость и опасность поступка,

который я только что совершила. Пусть это вышло случайно, но последствий никто не отменял.

– Я попала...

Вскочив на ноги, схватилась за голову.

Это же надо было так вляпаться! Если кто-то узнает... Если на нас решат напасть всерьез... Подождите-ка...

Я остановилась. Посмотрела на цветок. Опустила руки и прислушалась к тишине.

А если никто не узнает? Я ведь не напала на участника игры, это всего лишь безобидная магия в уборной. В уборной без окон... Хм, может, и выйдет.

Поправив белую повязку на плече и одарив подозрительным взглядом пышущее здоровьем растение, словно его уже давно подкармливали удобрениями, я вышла в коридор.

Надеюсь, хозяева дома не заметят изменений, а то не буду же я гробить цветок, только приведя его в порядок, лишь бы избавиться от доказательств. Жалко.

Пару раз завернув не туда, я все же попала в знакомый коридор, ведущий в комнату с окном, через которое мы с Даниэлем пробрались внутрь.

Остановилась, решая: рассказывать ли некроманту о том, что натворила? Может, лучше промолчать? Если сама забуду об этом, то и другие не узнают.

Внезапно я расслышала приглушенный грохот. Растеряв все мысли, рванула вперед и ворвалась в комнату, застав неприглядную картину – Даниэля, сидящего на диване, будто он расслабленно упал на него, решив глянуть телевизор, и девушку, склонившуюся над ним. Всего пара сантиметров разделяла их лица.

Чтобы кто-то застал некроманта врасплох? Почти невозможно. Только если он сам этого не позволил...

– Что здесь происходит? – нахмурившись, решительно поинтересовалась я.

Девушка вскинула голову, распрямилась, стягивая капюшон.

Я неловко переступила с ноги на ногу, даже в темноте отмечая поразительное сходство – те же черные волосы, очерченные скулы, но больше всего меня удивили глаза, тот же разрез и взгляд, будто их просто перенесли на другое лицо.

Подумала невесть что... Еще и повела себя, будто застала благоверного за изменой. Стыдоба.

– Райалин, – бесцветно констатировала она и беззвучно зашагала ко мне. Полы ее плаща едва достигали бедер, обнажая стройные ноги.

– Тильда, – недовольно позвал Даниэль, выпрямляясь и замирая в полуобороте к нам. – Не надо.

– Что? Я всего лишь хочу познакомиться, – холодно бросила девушка, останавливаясь прямо напротив меня, вплотную, лицом к лицу. Судя по тому, какую картину я застала минуту назад, нарушать личное пространство других людей – ее любимое занятие.

Когда кто-либо становится к тебе настолько близко, что стоит лишь качнуться навстречу и ваши носы соприкоснутся – это дезориентирует, заставляет нервничать. Каждый вдох и выдох, как драгоценности – редкие, маленькие, почти тайные. Ощущение неловкости нарастает стократ, если некто не сводит с тебя взгляда, будто пялясь в никуда, но ты-то знаешь, что тебя изучают. В подобные моменты легко поверить, что глаза – зеркало души, хотя при надобности они выдадут с потрохами даже мысли и чувства, главное, уметь их прочесть.

Игра в игре, опущу голову, отойду и тогда сорвусь...

Вдох, более откровенный, чем раньше, забрал часть дыхания некромантки. В этот момент я поняла – черта пройдена, я совладала с собой.

– Пожалуйста, отойдите, – невозмутимо попросила, не переставая медленно шевелить пальцами рук, вытянутых вдоль туловища, – безобидный и пока единственный способ хоть как-то сбросить напряжение. – Мне некомфортно.

Тильда сощурилась, улыбнулась, но когда она заговорила, я почувствовала себя уткой на вертеле, которую вот-вот зажарят на открытом огне.

– Ваш род самый отвратный из всех. Грызетесь между собой, не зная пощады, и совесть вам чужда... – она резко замолчала, прищурилась и отступила, – но что-то в тебе есть.

Сестра Даниэля протянула руку, а я не сразу поняла, что от меня хочет эта странная девица.

– Я – Тильда, – твердо сказала она, насмешливо добавив: – Сестра этого...

– Я догадалась, – перебила ее и вцепилась в ладонь девушки – прохладную, с сухой шероховатой кожей на пальцах.

– Какая умница, – умилилась некромантка.

В ее взгляде было что-то необычное, заставляющее сомневаться, будто положила голову в пасть льва и только потом догадалась о грозящей опасности.

Я с недоумением нахмурилась. Тильда крепче вцепилась в мою ладонь.

Пальцы заledenели, и вверх по руке пополз магический туман, не такой насыщенно-красный, как у Даниэля, но облако двигалось столь быстро, что через мгновение поглотило мою руку целиком.

В первую мою попытку вырвать руку Тильда не шелохнулась, во вторую – сделала шаг навстречу и недовольно поджала губы. Туман подобрался к горлу и охлаждал его, словно сотней мелких щупалец изучал каждый сантиметр моей кожи.

– Я же сказал – не надо. – Некромант возник рядом, как призрак из воздуха. Магия некромантки замерла, трепеща, словно колебалась – двигаться дальше

или отступить, но потом с неохотой поползла назад.

Туман всосался в тело Тильды, и девушка побледнела, словно намазала на лицо не один слой светлой пудры, закашлялась и, уперев ладони в колени, склонилась.

– Мерзавец, ты ведь знаешь, как плохо мне теперь? – беззлобно прошептала сестра Даниэля.

– Извини, – сухо проговорил он, протягивая ей руку. Та подняла голову, мельком взглянув на предлагаемую помощь, потом опустила, но через секунду крепко, по-мужски, вцепилась в ладонь брата. – Я ведь говорил: не надо.

От кожи некромантки вновь отделилось красное облачко и ушло к Даниэлю, выбрав новое пристанище. К лицу Тильды стремительно возвращался здоровый цвет, и дыхание становилось ровнее.

Тильда сморщилась:

– Но кто знал, что ты серьезен?

– Я всегда серьезен, – откликнулся некромант, а я мысленно с ним согласилась.

Я отошла в сторону – что бы ни происходило секунду назад, оно закончилось. Было неприятно, но я оставалась на удивление спокойной, ничего, кроме холода, магия некромантов не принесла.

Если бы выхода не оставалось, я бы дала отпор. Хотя каким именно образом, представление имела весьма смутное, но магический дар интуитивен и отзовется, если к нему обратиться. Правда, как мне сказали, моя магия еще слаба...

– С ней ведь правда что-то не так! – неожиданно прямо заявила Тильда, оборачиваясь ко мне. Она попыталась избавиться от хватки Даниэля, но не смогла и с удивлением посмотрела на брата.

– Больше никаких попыток прощупать, дорогая. В следующий раз не помогу.

Тильда несколько долгих секунд смотрела на некроманта, а после, сдавшись, кивнула.

Должно быть, она зла...

Чувствовалось, что отношения между братом и сестрой теплые, но своеобразные – без пустых обид, порою грубые, но равноправные.

Я стояла и молчала, вмешиваться в беседу двух некромантов не хотелось – все равно что обратить на себя внимание ядовитых пауков. Только с одним я уже успела подружиться, а вот второй внушал серьезные опасения.

Тильда с нескрываемым раздражением одернула плащ. Некромант вопросительно взглянул на меня, сложив ладони на груди. Я медленно кивнула, говоря, что все в порядке.

– Познакомь ее с Дэафи. Я ненавижу эту старуху, впрочем, она недолюбливает меня сильнее, но это не помешало ей поделиться переживаниями, – с отстраненным видом, снимая перчатки с отрезанными наполовину пальцами, сказала Тильда.

– Она надзиратель, а не воспитатель. Но она все чаще об этом забывает, – бесстрастно проговорил Даниэль.

Надзиратель? Кто-то присматривает за некромантом?

Тильда посерьезнела и, бросив свое занятие – девушка корябала что-то на клочке бумаги, – стремительно подошла к брату и ударила в плечо.

– Не будь жестоким. Эта женщина провела с тобой времени больше, чем мать родная. Не мне судить, но, кажется, и любит тебя Дэафи гораздо больше, чем она.

– Ты об этом пришла поговорить? – резко оборвал ее Даниэль.

Тильда рассерженно поджала губы, но совсем скоро расслабилась, усмехнувшись.

– Нет. – Покопавшись в складках плаща, девушка выудила сверкающую металлическую пластину. – У меня работа.

Некромантка неожиданно двинулась ко мне, а артефакт в ее ладони сверкнул зеленым. Даниэль отвернулся, подбирая с дивана свою маску и шест.

А я надеялась, что никто не узнает...

– Нарушение договора. Применение магии во время игры. – Тильда убрала артефакт в карман плаща.

– Это вышло случайно. Я же ни на кого не напала! Да я и не в состоянии на кого-то напасть. – Было жутко досадно, что из-за сущей ерунды я лишилась преимущества.

– Что ты сделала? – бесстрастно поинтересовался Даниэль.

– Пожалела сухой цветок в горшке, а он взял да и вырос. Я ведь не умею контролировать дар, он у меня всего как сутки появился, – расстроено рассказала ему.

– У тебя могущественный дар. – Некромант подошел ближе, медленно взяв меня за руку.

– Почему ты так думаешь?

Маг смерти закрыл глаза, будто прислушиваясь к чему-то.

Такой умиротворенный, спокойный, отстраненный от всего мира... Хотя секунду назад Лефевр явно разозлился, поэтому и отвернулся. Эмоции не слабость, пока о них не узнали твои враги.

– Чувствую. Природный дар – полная противоположность некромантии. Трудно отыскать две силы, настолько похожие и отличные друг от друга.

– А как же целители?

– Целители? Да, их магия тоже отлична, но не настолько. Они не создают, не оживляют, а работают с тем, что имеется. Природники же дарят жизнь, из маленького семени могут взрастить дерево.

Сверкнула вспышка. Я инстинктивно обернулась, увидев, как сестра Даниэля закрывает крышку миниатюрного санкровена на своей руке.

– Наверное, помешала. Ну, ничего не поделаешь, работа не ждет, – с крайне серьезным видом заявила она, ее взгляд то и дело останавливался на наших с Лефевром соединенных руках.

– Доложила? – холодно спросил некромант.

– Да, – таким же ледяным тоном ответила Тильда.

– Кому? – встряла я.

– Ректору, – ответила магиня смерти и с официальным видом продолжила: – Конкордия Райалин, ваш случай находится на рассмотрении. Совсем скоро примут решение, приравнять вас к участникам с магического отделения или нет.

Кабинет главы академии напоминал учебную аудиторию, говорят, что до назначения его на эту должность здесь в самом деле проводили занятия. Теперь в центре комнаты лежал красный, выглаженный, несмотря на десятилетнюю службу, всегда новым ковер. В углу стояла деревянная кукла размером с человека, на теле которой то и дело попадались круглые металлические вкрапления. Там, где раньше находилось окно, ныне красовалась кирпичная кладка, из которой торчали крюки, служащие креплениями для нескольких мечей с изящными рукоятками, кинжалов и топоров – и каждое оружие побывало в битве.

Чуть меньше полувека между территориальными королевствами царил мир, но еще в пору своей юности ректор застал жестокую войну между Морладом и Даргнешем на севере. Там он получил награды, положение и говорящее прозвище – Кровавая Река.

В кабинет вошла секретарь госпожи Фаден.

– Нам сообщили о нарушении.

– Неси, – велел ректор, стоя с загадочным видом у плана академии, выдавленного на пластине магического металла размером с обеденный стол. По поверхности перемещались огоньки – красные, серебристые, коричневые, желто-оранжевые, зеленые, голубые, серые, ярко-белые. А наряду с разноцветными сполохами тут и там закручивались почти бесцветные крохотные водовороты.

Лиззи вложила бумагу с выжженным посланием в ладонь главы академии. Кожу его рук избороздили морщины, выдавая истинный возраст, из-за воротника мантии выглядывал ожог, выглядящий словно последствие тяжелой болезни, губу пересекал едва заметный застарелый шрам, но бывшие раны не уродовали его, а скорее придавали шарм и пробуждали интерес окружающих.

Почему он не обратился к целителям? Зачем оставил следы на своем теле?

Мало кому приходило в голову, что для Кровавой Реки шрамы – все равно что награды и дань памяти тем, кто смог их оставить. Время ушло, он уже стар, остались лишь крупницы бывшего могущества, а памятные отметки на его теле позволяют хоть на мгновение вернуться в прошлое.

– Сделайте объявление на стендах, – приказал ректор, возвращая послание. – Правила есть правила, кто мы, чтобы их нарушать? И еще одно... Отмените запрет на использование силы моей дочери. Два месяца для мага весьма долгий срок.

– Слушаюсь, – пробормотала Лиззи, смотря на мужчину снизу вверх. Она всегда ощущала себя неуютно в кабинете главы. – Ах да, один из ключей потерял хозяина. Его держатель оказался за пределами игры.

– Да, я видел. – Ректор вновь неотрывно следил за перемещениями участников. – Пусть кто-нибудь из судей спрячет его на территории игры. После того, как ключ обозначится на карте, он быстро обретет нового хозяина. Что-то еще?

– Нет.

– Тогда уходите, – бесцеремонно проговорил глава академии.

Лиззи резко кивнула, напоследок бросив взгляд на артефакт с передвигающимися огоньками, и выскользнула в приемную.

«Жутковатый тип, – подумала секретарша, поведя плечами. – И почему Тильда восхищается им?»

Передав приказ главы, девушка вернулась за свой стол, чтобы дальше отслеживать магическое волнение на вверенном ей участке.

Глава 11

Западня

Облака разошлись, и луна сверкнула серебром, покрывшим землю, а потом исчезла, оставив мутное, расплзающееся по небу светлое пятно. Пара часов прошла с начала игры. Несколько раз Клайм и Ридж встречали связанных и лежащих на земле участников, но проходили мимо как ни в чем не бывало.

– Мы могли бы не разделяться, – заметил Ридж.

– Да. Но эффект неожиданности был бы не на нашей стороне. – Клайм выглянул из-за угла, убеждаясь, что поблизости никого нет.

– Какая разница, мы все равно рискуем. Ты ведь видел объявление? Если Райалин приравняли к магам, значит, она использовала силу. Только для чего? – пробормотал Ридж, щурясь в темноте, к сожалению, дар воздуха не позволял

слушать везде и всюду. Парень обращал свою силу то на запад, то на восток, а после на север и юг. Внимание мага перескакивало, как лягушка, – по кругу, быстро и стремительно. Он вынужден был всегда оставаться настороже, и от этого голова его шла кругом.

– Ничего серьезного, ты сам видел, что написал Даниэль.

– Да, видел. Но после этой выходки с Дарлой... – Маг воздуха выразительно взглянул на друга.

Клайм оставался спокойным.

– В этом есть смысл. Едва ли кто знает территорию академии лучше, чем она. Конечно, не считая ректора.

– Да. Но магия... Куда без нее? – задумчиво протянул Ридж.

– Ее проблемы.

– Полегче.

– Она могла избежать запрета, – буркнул Клайм, разглядывая фонтан и группку людей дальше по улице.

– Их слишком много. Это одиночки? – прошептал маг воздуха, насторожившись.

– Скорее всего. И что-то здесь не так.

Ридж прислушался и мотнул головой, показывая иной путь. Пока ни с кем из участников им лучше не сталкиваться, слишком рискованно. Пусть маг энергии и был увешан артефактами, с прямой атакой справиться ему будет тяжело.

Ловелас забрался на забор, сощурился, оценивая расстояние от себя до крыши. Затем поднялся в полный рост, сохраняя равновесие, и прыгнул, ухватившись за край крыши. Клайм наблюдал за действиями друга молча, с затаенным скептицизмом.

– Ты чего медлишь? – возмутился Ридж, распластавшись на крыше.

– Да так, наблюдаю.

Дома на этой улочке жались друг к другу, словно желали обняться, а заборы казались лишь никому не нужной декорацией.

Сдвинув одну из покосившихся деревяшек, Клайм пролез через щель и, сделав несколько шагов вдоль фасада здания, поднял с земли лестницу, уже довольно старую, но крепкую.

– Зачем напрягаться, когда можно сделать проще? – отстраненно сообщил Клайм другу, оказавшись рядом.

– Откуда ты знал, что там лестница?

– Запомнил. Я как-то здесь бывал.

На краткий миг Ридж всем сердцем возжелал его придушить. Но не сегодня, да и вообще никогда. Если желания кого-то прикончить и посещали Ловеласа, то вскоре стремительно таяли, такова уж его натура, он не умел долго сердиться.

Перебравшись с первой крыши на вторую, а затем на третью, маг воздуха понял, что все куда серьезнее, чем они рассчитывали. Ветер донес до него шаги и тихие взволнованные голоса, переговаривающиеся между собой срывающимся шепотом. Их с Клаймом окружали.

Они вляпались. Не впервые в жизни и не крупно, но проигрыш и западня – удовольствие не из приятных...

Ползком парни перебрались на другую сторону покатой крыши, но внезапно что-то упало рядом, заскакав, как резиновый мячик.

Ридж попытался смахнуть бомбочку вниз, на землю, но не успел, еще раз подпрыгнув, она взорвалась, издав свистящий «пши-и-ик».

– Не дыши, – успел предупредить Клайм, закрывая лицо воротом плаща. И в следующее мгновение все заволгло густым непроглядным дымом, горьким на вкус и беспощадно щипавшим глаза.

– Они там! На крыше! Скорее!

Ловелас задержал дыхание, но глаза не закрыл. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы смахнуть отраву, отправить ее вниз к преследователям, но долго она там не задержалась, кто-то из воздушников рассеял дым.

Глаза Риджа покраснели и слезились.

«Их много. Очень... Похоже, на нас открыта охота». – Сосредоточившись, маг воздуха попробовал сосчитать противников, но бросил пустую попытку, сбившись на десяти.

– Мы вас ждем! Спускайтесь! – глумливо раздалось снизу. И будто по сигналу, медленно огибая дом, перед Риджем и Клаймом выросло пламя. Огненная темница – работа нескольких магов.

Пламя побеждается водой, воздух лишь подкармливает непокорную стихию. Невыгодный расклад, при котором им не сбежать, – так думали все, и трусливые охотники, и жертвы, не собирающиеся сдаваться.

Ридж сжал кулаки, воздух уплотнился, превратившись в длинную ветряную плетъ, извивавшуюся как змея – опасно, жадно, собиравшуюся жалить каждого без жалости и сомнений. Клайм шарил по карманам, доставая и активируя все артефакты, что могли бы им пригодиться.

Улюлюканье. Смех. Угрозы.

Повисла тишина, сменившаяся неожиданным криком, который вскоре сорвался на визг. Огненная стена рассеклась гигантским разрушительным водным потоком, обрушившимся с небес на землю.

Великолепно. Восхитительно. Могущественно.

– Мальчики, помощь не нужна?

– Куда мы? – поинтересовалась я.

После встречи с сестрой некроманта прошло чуть больше часа. Мы с Даниэлем покинули штаб-квартиру – так я окрестила дом, внутри которого нам довелось прятаться. Насиженное местечко пришлось оставить, потому что оно выбыло из игры.

– Никуда. Гуляем и выжидаем.

– Значит, разговоры приветствуются?

– Да. Если негромко.

Несмотря на свой вопрос, продолжить разговор я не попыталась, перехотела.

Красная птица то и дело возвращалась и вновь улетала. Мертвец же вспомнил новое слово: «Девка» – и попеременно комбинировал его со старым, но на это я уже не обращала внимания.

– Моя сестра не собиралась делать ничего плохого, – неожиданно заговорил Даниэль, в который раз поправляя маску на лице.

– А что она собиралась сделать? Вид у нее был весьма враждебный.

Я была уверена, что после моих слов Даниэль под маской улыбнулся – сдержанно, но коварно, словно насмехаясь надо мной, будто я маленький ребенок с круглой цветастой погремушкой в руке.

– Проверяла. Искала особенности, – сказал некромант.

– И защищала родного брата? – предположила я и добавила: – Со стороны могло показаться, что я прицепилась к тебе и не собираюсь отпускать.

– Я похож на того, к кому можно прицепиться? – возразил Даниэль, и наши взгляды встретились.

– Нет, совсем не похож, – пробормотала я, отворачиваясь.

На самом деле таких, как ты, я не встречала... Битое стекло вперемешку со сладкой ватой. Первое – горькое прошлое и сила мертвых, второе – заботливый, высоконравственный парень, скрывающийся под мишурой мрачности, предусмотрительности и жестокости к врагам.

Понемногу я начинала уставать. Мне отчетливо казалось, что мы обошли всю территорию студенческого района и академии. Адреналин все еще играл в крови и гнал дальше, но вот ожог беспокоил все сильнее.

Перед игрой, сославшись на боль в животе, я заставила Дарину показать мне, где хранятся лекарства. Но там не нашлось ничего, что могло бы помочь, лишь бинт из плотной ткани, который теперь прилип к коже и при каждом шаге тревожил рану.

– Даниэль, у меня один вопрос. – Разговор отвлекал от боли.

– Какой же? – Лефевр двигался тихо, но необычно. Его тело то почти замирало, плавно перемещаясь, как улитка по поверхности зеленого листа, то, наоборот, набирало скорость, и движения рук и ног обретали непривычную резкость. Мне приходилось постоянно подстраиваться, как и скелету насильника, отставшему от нас на пару метров.

– О магии. Я сразу уяснила ее ограниченность. Она не всесильна, да и опасна. Нет заклятий или других вещей, помогающих творить что угодно. Но твоя сила... Она сбивает меня с толку. – Загибая пальцы, я перечислила: – Ты оживляешь мертвых, иногда видишь души людей, возможно, способен проникнуть в голову, просто я до сих пор не понимаю, как ты вытащил меня из забытья в том зеленом коконе. Что-то еще? Ах да! Ты не дал мне умереть!

Я не раз думала об этом. И все чаще Даниэль представлялся мне читером в компьютерной игре, что меняет систему в угоду себе.

Лефевр остановился, постучал пару раз шестом по мостовой, прищурившись, оглянулся и лишь потом ответил:

– Оно все связано. Помнишь, я предлагал тебе выбрать в случае победы уроки у ректора?

– Да.

– Чем глубже сила и ее понимание, тем большим ты можешь овладеть. – Глаза Лефевра заволокло туманом, но он продолжал говорить: – Объясню на понятных вещах... Например, яды. Мы изучаем их в академии, некоторые можем отличить друг от друга, но не умеем их создавать. Для создания нужна точность, огромные знания об ингредиентах и время. То, насколько глубоко ты познаешь науку, определяет твои умения.

– А как же талант? – осведомилась я.

– Талант – важен, ведь помогает быстро уяснять, что к чему. Но он не принесет никакой пользы ленивцу. Лени, жадность, зависть, похоть, пьянство... Слишком много пороков, призванных нас отвлечь. Люди, что без ума и внутреннего стержня, быстро в них тонут.

Внезапно Даниэль остановился, как тень или красный призрак. Туман разросся, захватывая глаза, губы, шею, полыхнул яркой вспышкой на груди, подобно падающей звезде, и утонул в ладонях.

– Мы не одни, – мрачно прошептал некромант.

– Хорошо. – Мои пальцы крепче сжали ручку сковородки, и шершавый металл впился в кожу.

Ощущения обострились, ободряя, как ударная доза кофеина или громоподобная музыка в наушниках, бьющая по перепонкам.

Чувственность, она есть во всем, что трогает душу. Вдохновение все равно что страсть – горячит, как солнце, опьяняет разум подобно наркотику. «Ты создашь, ты сотворишь», – уверяет оно. Третьим приходит удовольствие – нежное, буйное, расслабленное. Удовольствие от того, что ты делаешь, с кем сейчас и где. Я не могла создавать, но это пока. Моя сила – искорка, что еще не разрослась до пламени.

Но я готова пробовать и учиться. Готова взывать к дару раз за разом и бояться, что, когда придет время, я не смогу расстаться со своей магией.

Земля содрогнулась, над головой что-то пролетело, и в тени показались люди в черных плащах и цветастых масках. Перекошенные лица, безумные улыбки, морды зверей смешивались с прекрасными девами, детьми, сказочными существами, в глазах которых мигали яркие озорные огоньки.

Глубоко вздохнув, я поняла, что в этот раз все иначе... В этот раз я действительно готова сражаться.

Глава 12

Осознание своей силы

Родриг крепко сжимал в ладони шар, напоминающий яйцо, одну из половинок которого испещрили дырочки. Пусть парень являлся некромантом, но в схватке с Лефевром от его способностей толка не было, и, чтобы прорваться в защищаемую мертвяками область, понадобится разобраться хотя бы с одним скелетом.

Какой бы жестокой ни была игра, она остается фальшью и все ранения в ту же ночь исчезнут благодаря целителям. И в этом обмане кроется чужое преимущество – поднятые из могил не используют всю силу, им запрещено убивать. Но последователи Родрига с оживленцами не церемонились.

– Я знаю, где он, – прошептал Родриг, втягивая ноздрями воздух.

– Не подведи. Надеюсь, он и правда тебе по зубам, – откликнулась Ирида, вертя в руке кинжал с металлической рукоятью, обернутой тканью.

– Не попробуешь – не узнаешь. Но у меня припасен для него сюрприз. – Он многозначительно ухмыльнулся.

– Ты про тех парней, которых отправил обезоружить Лефевра? Что ты им пообещал?

Родриг равнодушно пожал плечами:

– Деньги, конечно, что еще может заинтересовать этот сброд. Среди них нет никого с высоким уровнем дара. – Нахмурившись, он резко спросил: – Зачем тебе кинжал? Судьям это может не понравиться.

Ирида хмыкнула, пряча лезвие в рукаве. В отличие от других участников маску она не носила, решив закрыть лицо платком, повязанным почти до самых глаз.

– Лезвие лишь для эстетического удовольствия и немного припугнуть. Я никого не собираюсь калечить, поэтому беспокоиться не о чем, – договорив, Ирида отступила в тень, а когда Родриг вновь посмотрел в ее сторону, уже исчезла.

«Любопытно, в чем истинная причина такой жажды мести? Что-то здесь нечисто... – Подумав об этом, Родриг усмехнулся. – Впрочем, ничего личного».

Некромант надвинул маску и вышел из укрытия. Родриг не успел к Мертвяку, кладбище выкинули из игры первым. Все некроманты оказались в невыгодном положении, хотя, кроме него и Лефевра, на всю академию их оставалось всего трое – один с третьего курса и два с первого.

Если противник сильнее тебя, то хитрость – единственный путь к победе. К сожалению, Лефевра одной хитростью не возьмешь, и лишь прибегнув к безумству, можно чего-то добиться. Сделать так, как он не ожидает, так, как никому в голову не придет поступить. В этом кроется успех, но и возможная гибель...

В этом году Родриг жаждал победы. Последний курс, и все эти годы он всегда оставался позади. Неприятно и досадно. Неудачи породили злобу – не безрассудное желание мести, а отчаянное стремление оказаться на вершине пьедестала. И ради этого он готов был рискнуть, не только собой, но и другими.

Мертвецы сомкнули ряды, и, кажется, их стало на одного меньше, но я видела, как легким движением руки один из них снес трех участников. Ноги студентов оторвались от мостовой, и в следующее мгновение они уже валялись кто на спине, кто на боку. Скелет же отправился на поиски новых жертв, утратив интерес к старым. Потеря одного никак не сказалась на некроманте.

Так вот что имел в виду Даниэль, говоря о том, что тщательно выбирает, кого оживлять. Скелеты оказались противоестественно сильны.

Я замерла, засмотревшись на происходящее, ведь мертвецов поливали водой, жгли огнем, что облизывал языками пламени каждую мельчайшую косточку, сметали порывами ветра... Только все атаки приносили им гораздо меньше вреда и ран, чем любому живому человеку.

Жестокая бойня, все всерьез, но без смерти.

Судьи не вмешаются, пока кто-то действительно не пострадает. И, подозреваю, легкий порез или даже сломанная нога – не считаются. Меня ослепила суматоха и тот факт, что моя помощь никому не требовалась. Даниэль прекрасно справлялся один, ловко не подпуская никого близко. Скелеты двигались быстро, расчищая путь и не давая магам колдовать. Я растерянно стояла, сжимая в руке кухонную утварь, и искренне хотела помочь, но пока не знала, каким образом это сделать, чтобы, наоборот, не помешать.

Неожиданно в памяти медленно, как подводная лодка на поверхность, всплыл наш разговор с Риджем перед игрой, когда мы шли к академии.

– Игра – испытание. Каким бы даром ты ни обладал, она всегда сможет преподнести сюрпризы. Поэтому лучше не отходи от Даниэля ни на шаг, – отвлекшись от вопросов о рюкзаке, с необычайной серьезностью заявил маг воздуха.

– Это вроде академия, а не военный полигон.

Ридж ухмыльнулся:

– Думаешь, почему Герадова ночь обговаривается в момент поступления? И даже внесена в договор? Ее считают частью учебного процесса, и что-то в этом есть. Ты можешь прочувствовать чужую силу, используешь весь свой ум, чтобы не пострадать, не говоря уже о победе. Деньги – поощрение, которое заставляет нас шевелиться, ну и перспектива увеличения магического потенциала привлекает немало народа.

Внезапно в голове возникла догадка, по сути пустяк, но меня удивляло, как я раньше не подумала об этом.

– Что, если победителю не нужны ни деньги, ни занятия с ректором? Что тогда? – Я бессовестно пользовалась разговорчивостью Риджа.

– Он выбрал деньги, если ты о Даниэле. Не знаю, куда он их дел. Может, положил в банк или рассеял по ветру? С него станется, – с невеселой улыбкой сказал маг воздуха, сунув ладони в карманы плаща.

– Почему никто не сказал? Я была уверена, что он выбрал занятия, – растерянно проговорила я.

– Не думай, что знаешь все на свете, Загадка. Откровенно говоря, мы мало знакомы. Ты не в курсе моего прошлого, а мне неизвестно твое. Полагаю, мы все друг для друга загадки, верно? – Он хитро усмехнулся, а его взгляд как бы намекал на мой рассказ про бабушку, когда я забылась и сболтнула лишнего. – Надо было лишь спросить, скорее всего Даниэль бы рассказал. Но ты верила своим выводам, а он просто не стал разубеждать.

Действительно, я помню, как злилась на Лефевра и вовсе не спрашивала, каков был приз, что он получил год назад. В тот момент слова Ловеласа заставили меня задуматься.

– Он всегда очень собранный и задумчивый, кажется, будто ему все по плечу, – поделилась я.

– Может, так, а может, и нет. Я склонен считать, что Даниэль слишком мнителен. Для него лучший друг он сам, тот, кому он действительно доверяет.

– Тебе это неприятно? – проницательно спросила я.

– Не знаю. Когда-то было. Это его раны, и надо быть глупцом, чтобы считать, что они не оставят следа. – Ловелас на мгновение замолчал, меня же удивило его откровение. – Но доверие – это не такая уж великая вещь, если есть...

Речь Риджа оборвалась, когда он заметил, что мы не одни. Подслушивание или совпадение, но мы приближались к воротам академии. Беседа вынужденно завершилась, а я так и не узнала, о чем он хотел рассказать.

Перед глазами полыхнуло, вернув к реальности. Меня схватили за шиворот и резко отдернули назад. Скелет насильника погряз в облаке густого пепельного дыма на том месте, где еще мгновение назад находилась я.

– Ты почему спишь?! – Даниэль, стукнув кого-то шестом, вновь воззрился на меня
– хмуро, недовольно, холодно. – Соберись. И не отставай от меня.

Еще мгновение, и в меня бы попали... Черт! Решимость и уверенность, возникшие столь внезапно, куда-то исчезли.

Я распрямилась, жутко недовольная собой.

– Этого больше не повторится, – пообещала некроманту.

– Следуй за мной. – Его ладонь соскользнула с моего плеча, оставив противное чувство разочарования.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/anzhelo_aleks/ya-prevraschu-tvoyu-zhizn-v-ad-geradova-noch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)